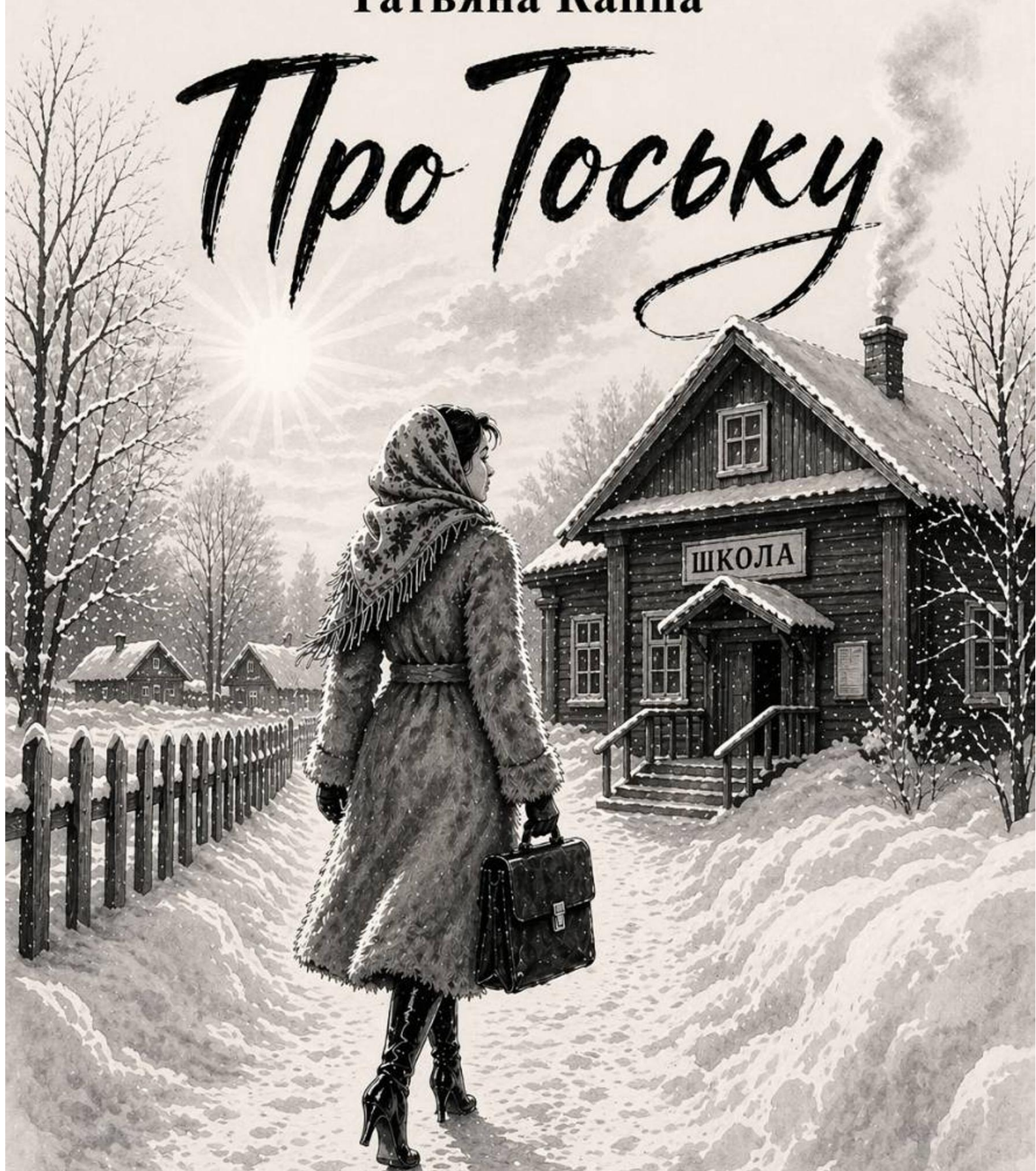

Татьяна Каппа

Про Тоську

книга 1.

Учителька

Начало историй Антонины Найденовой

Татьяна Каппа

Про Тоську. Книга 1. Училка

«Автор»

2026

Каппа Т.

Про Тоську. Книга 1. Училка / Т. Каппа — «Автор», 2026

Сибирь 70-х годов. Уже уходит в прошлое память о работе выпускников институтов по распределению, что тогда казалось равноценно ссылке в Тмутаракань с бессмысленностью прожитых там лет, выброшенных из молодой жизни «коту под хвост». Для главной героини повести Тоськи, учительницы русского языка и литературы – это время стало началом ее взрослой самостоятельной жизни, интересной, наполненной событиями и приключениями: любовными, смешными, опасными, почти детективными... Самобытность деревенских жителей, сельских учителей, учеников, городских «училок», отбывающих трудовую повинность, встречи, влюбленности и разочарования – глазами красивой романтической «училки» Тоськи...И поиски себя... Кто я? Зачем я? Почему у меня всё так? Повествование заканчивается отъездом Тоськи из сибирской деревни, где она прожила, как поняла потом, самое лучшее и беззаботное время.

© Каппа Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

(роман в 3 книгах)	5
От автора	6
книга 1. Училка	7
1. Дятел	8
2. Роза вуду	30
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Про Тоську. Книга 1. Училка

(роман в 3 книгах)

Исполнен долг, завещанный от Бога,
Моей женой так нудно принужденный...
Пописывай, не мудрствуя лукаво,
О том, что смог увидеть пред собою,
А что узреть не смог – молчи покорно
И трепетно сноси насмешки черни.
Ведь ты – Поэт! Не дорожи толпы суждением!
Лишь Бог тебе судья – Он – милосерден...

Б.Б.

Память цепка, всё помнится как было,
но воображению подвластно то, как могло бы быть,
и оно прорывается, чтобы оттенить то, что было.

Посвящаю моему поколению, которое уходит...

От автора

Героиня моего повествования, Антонина Акимовна Найденова (Тоська), была одной из многомиллионного населения нашей когда-то огромной страны.

Такой же, как все.

(Как пела одна певица, свою жизнь посвятившая тому, чтобы доказать обратное).

Тоська была романтичной. Это мешало ей вести жизнь рассудительную: трезвость мысли ее часто разрушалась игрой воображения и, как пишут в книгах, жила она в большей мере чувствами, а не здравым смыслом.

А всё, может, потому, что родословная Найдёновых была необычной: из крепостных – в фабриканты. И всё бы шло своим чередом, но, заблудившись в родовых коленах, их купеческий прагматизм в одном из них разбавился мятежным творческим духом. И пошли разброд и шатания в умах и душах следующих поколений. Одни становились свободными художниками, артистами; самые романтичные, отказавшись от наследства, – революционерами. Вести дело семьи никто не хотел. Хотелось свободы от него, радости творчества, польки-мазурки...

Поколения сменялись, время шло. И вот пришло время поколения Тоськи. Оно захватило почти половину двадцатого века и продолжилось в двадцать первом.

О своих дальних предках Тоська не знала: в семье о них не говорили. Почему? Не знали? Не хотели? Боялись?..

Но предки давали о себе знать: вдруг взбрыкивало желание – «не то конституций, не то севрюжины с хреном...»

Вот желания «ободрать кого-нибудь» не было никогда. Зато поработать на чье-то благо – всегда.

И смирение подступало, и покорность социальной зависимости охватывала (от крепостных-то – в одном столетии! Не срок!).

А история и события в стране, идущие своим чередом, диктовали новые качества характера и поведения, меняли их, подгоняя под сообразность времени.

И Тоська менялась. Потом, вспоминая, часто не узнавала себя.

И хотелось многое изменить.

Или начать всё заново.

Но историю, как и родословную, не перепишешь...

книга 1. Училка

1. Дятел

Стайка синиц пролетела куда-то по своим пустяковым делам. Дятел проводил их взглядом и остановился, чтобы перевести дух. Он сидел на осине и долбил кору крепким клювом, вцепившись в ствол дерева когтями и упираясь хвостом. Осину еще с лета подточили жуки-короеды. Дятел извлекал их из-под коры своим длинным язычком. Он набирался сил для длинной «барабанной» дроби, которую должен будет исполнить в конце зимы, чтобы привлечь внимание и очаровать самую симпатичную самочку. Потом они будут выбирать место для гнезда, и, выбрав, дятел сообщит об этом всему лесу двоянным ударом – гораздо более тихим и спокойным. А потом появятся дятлята. И они будут кормить их по очереди, а малыши будут тянуть к ним свои раскрытые клювики...

Дятел был красив. Пестренький, с красными, похожими на капельки крови, перышками на голове и в подхвостье. Такого цвета бывают осенью маленькие кленовые листья.

Людей дятел не боялся. Места здешние любил. Здесь было спокойно. Была еда. И были планы на конец зимы. Планы на жизнь.

Внимание дятла привлекла легковая машина, проезжающая по дороге в деревню. Он скосил на нее глаз. Серая машина скользила по накатанной снежной дороге бесшумно, как сани.

Деревенские машины он знал. Все они были громоздкие, шумные, дребезжащие... Но свои. А эта чужая. А чужое – всегда опасно! Дятел на всякий случай переместился на другую сторону ствола и продолжил свое занятие...

Машина въехала в деревню и остановилась. Водитель, пригнувшись к стеклу и прищурив глаза от слепящего снега, огляделся и уткнулся в лист бумаги в руке.

В стороне от дороги, за деревянным низким забором, занесенным снегом, стояла школа, отбрасывая голубую тень на сугробы школьного двора. Из трубы вился белый дымок.

В школе шли уроки.

Учительница стояла у окна. Смотрела на машину.

«Номера новосибирские», – отметила она. Вспомнила, как в прошлом году жулики из Новосибирска обманули их директора Владимира Трофимовича, выпросив иконы из школьного музея якобы для выставки.

«...Международной», – усмехнулась, вспомнив тот случай. Вернулся тогда в школу Владимир Трофимович уже один, вспотевший от общения с городскими людьми «на равных» и довольный, что справился с этим.

– Всё. Взяли. Понравилось. Сказали, что нигде такого музея не видали. Вот ведь можем же, когда хотим!

– А что взяли?

– Понравилось всё. Но взяли только иконы.

– А расписку-то они написали? Документы свои показали?

– Ну... Как это... Неудобно, – смутился директор.

– Жулики какие-нибудь!

– Как-то у нас всё с недоверием, Антонида Екимовна. Люди – с областного музея! Городские! Культурные! Обещали вернуть иконы сразу после выставки. Международной, между прочим!

– Облапошили вас эти городские...

Жалко тогда было не иконы, а простодушного, доверчивого директора.

«Может, стыдно им стало? Приехали, чтобы вернуть?» Она и сама была простодушна и доверчива.

Ученики писали сочинение, и у нее было время думать о всякой чепухе.

Водитель тем временем разобрался с картой, и машина уехала.

Учительницу звали Тоня. Или полным именем – Антонина Акимовна Найденова. Она приехала сюда после института по распределению.

Пошел третий год, как она учит деревенских ребятишек русскому языку и литературе. В деревне и школе ее называют Антонида Екимовна. Подружки между собой – Тоськой, как звали в детстве.

Здесь ей всё нравилось. Даже деревенский быт без удобств: печка, колодец, дрова, нужен на улице. Она была молодая, здоровая, сильная и со всем этим справлялась. Ее сегодняшняя жизнь была понятна для нее и бесхитростна. В будущее она не заглядывала.

А еще она была красивая. Ученикам это нравилось. Они любили смотреть на нее во время урока, разглядывали ее одежду, прическу, модную сумочку-саквояжик из искусственной замши кофейного цвета. Сумочка была красивая, с пластмассовыми ручками и действовала на учеников просто гипнотически. Тоська ее купила летом в Москве на ВДНХ, в чешском павильоне.

Ученики любили Антониду Екимовну за доброту, за интерес к ним, за красивую улыбку и старались ничем ее не разочаровывать.

Она постояла у окна, любуясь зимним лесом, белыми сугробами, обступившими школу. Голубоватый свет от снега заполнял класс, ученики тихо сопели и писали сочинение: «Зима в стихотворениях Пушкина». Было тепло, уютно.

И на душе – спокойно и светло.

Когда урок закончился, она собрала тетради и пошла в учительскую.

«Товарищи учителя! Всем внимание! Напоминаю, что сегодня в клубе состоится репетиция концерта. В семь часов! Явка всех обязательна! Без опозданий! Молодежь, слышите?» – непрерывно оповещала всех завуч школы Таисия Матвеевна, женщина крупная, с лихорадочным цветом лица, зычным голосом и темпераментом, которого было, пожалуй, даже чересчур. Она руководила хором учителей и сама составляла репертуар из песен высокого идейного уровня, напевных, про Родину.

Городские училки с удовольствием пели в хоре: «Зацветает сте-епь цвета-а-ми...» На вопрос, чья это песня, Таисия Матвеевна с шумным хлопаньем утирала нос ладонью (за ней водилась такая привычка), неопределенно пожимала полными плечами и авторитетно отвечала: «Народная, чья же еще...»

Таисия Матвеевна знала всё. Она была всесторонне образованным завучем. И даже – более того...

Однажды ее за организаторские успехи наградили грамотой и послали в Новосибирск на какую-то конференцию. Вернулась Таисия Матвеевна недовольная. Привычным жестом утирая нос, она с возмущением делилась с коллективом своими впечатлениями.

Как человек культурный, она сходила в филармонию. Исполняли Первый фортепианный концерт Чайковского, но первая скрипка – тут Таисия Матвеевна морщилась, как от зубной боли – так страшно фальшивила, что она не смогла дослушать концерт и вынуждена была уйти.

– Надо же! Что делается-то! – учителя сочувствовали завучу, возмущались первой скрипкой и осуждающе качали головами.

– И еще, – воодушевляясь их поддержкой, продолжала вспоминать свои обиды завуч, – по радио передавали концерт для нас, награжденных. И для меня исполнили... Что бы вы думали?.. Учителя уж не знали, что и думать. Таись Матвеевна выдержала паузу и с возмущением объявила:

– «Увертюру к «Детям капитана Гранта»! И, с недоумением пожав плечами, объяснила: «А я терпеть ее не могу! Что, организаторы не могли узнать у меня, что я хотела бы услышать? Мою самую любимую...» – обвела она глазами учителей.

– Неужели народную песню «Зацветает степь цветами»? – еле слышно прошептала Тоська соседке, профессионально сохраняя на лице внимание: завуч ревниво следила за реакцией учителей.

– «Венгерскую рапсодию» Листа! – объявила завуч, как что-то само собой разумеющееся. Как если бы она спросила, кто у нас главный поэт...

– Да... Вот ведь как бывает, – учителя уважительно закивали головами.

Таисия Матвеевна ошибалась: у народной песни были авторы. И это вскоре выяснилось. Вечером репетировали в клубе. Там стояла холодина, все были в пальто, платках и пимах, так здесь называли валенки.

Коллектив был «спетый и спитый», как шутили между собой городские училки: пел коллектив и в застолье, и на сцене без музыкального сопровождения. Баян в клубе был, но никто в деревне на нем играть не умел, и он стоял в шкафу, как говорили, под ключом.

Жаркая Таисия Матвеевна с лихорадочным румянцем, в распахнутом пальто и съехавшем с головы пуховым платке воодушевленно дирижировала хором и солировала. Голосистая Тоська стояла в первом ряду. Она же вела конферанс. У нее это хорошо получалось.

В зале сидели зеваки, из деревенских.

– Народная песня «Зацветает степь цветами!» – мастерски копируя профессиональных ведущих, объявила Тоська. – Исполняет хор учителей. Па-а-просим, товарищи!

В зале захлопали, а когда хлопки утихли, в тишине из зала раздался негромкий, но отчетливо прозвучавший голос:

– А почему народная?

– Это кто там у нас умничает? – как на уроке повернулась в зал Таисия Матвеевна и утерла нос привычным жестом. – Ну-ка, встанем, покажемся.

С задних рядов встал молодой незнакомый мужчина. Не деревенский.

– Ну? И чья же она, если такой смелый? – наступала Таисия Матвеевна.

– Ну, в общем, не трус. Это песня Мокроусова на слова Фатьянова. Вы разве не слышите, что она профессионально написана? Только зацветает степь – не цветами, а – лесами. Там же рифма: «лесами – сами». Он улыбнулся и добавил: – Так вы ее действительно народной сделаете!

– Вы из районо! – догадалась и бдительно прищурилась Таисия Матвеевна.

– Нет.

– Тогда вы что же? Композитор? Или, может быть, поэт? – не сдавалась завуч. В ее голосе уже звучала ирония, готовая превратиться в сарказм.

– Нет, просто я немножко музыкант. Играю... Аккордеонист.

– А на баяне играете?

– Могу и на баяне.

Что тут началось! Все учителя, и старые, и молодые запрыгали, захлопали и хлопотали.

Таисия Матвеевна открыла шкаф. Был извлечен баян. Физрук Сашка с лаборантом Колькой прыгнули со сцены в зал, толкаясь и путаясь пимами, подскочили к музыканту и, подхватив его под руки, потащили на сцену.

Там усадили на приготовленный стул, принесли и водрузили ему на колени баян.

– Песня! – еще раз громко и торжественно объявила Тоська в полупустой зал. – Не народная! «Зацветает степь не цветами, а лесами»! Слова Фатьянова и наши. Музыка Мокроусова! Исполняет хор учителей. Солист и художественный руководитель – лауреат всерайонного кон-

курса учителей, завуч школы села Покровское наша Таисия Матвеевна. Аккомпанирует на баяне... Как вас объявить? – повернулась она к музыканту.

– Объявите просто, – принял он игру, – мол, бывший лауреат всероссийского конкурса аккордеонистов и баянистов. В настоящее время – инженер из Новосибирска. Старший, разумеется. Лауреат квартальной премии. И, по совместительству, деревенский баянист села Покровское. Юрий Петрович! Можно – Юра.

– Па-а-просим, товарищи! – закончила Тоська.

– Ура Петровичу! – заголосил хор. Назвать просто Юрой такого ценного человека никто не решился.

В зале хлопали и тоже орали: «Ура-а! Даешь Петровича! Петрович!»

Баянист уселся поудобнее, артистично подержал паузу, профессионально взял первые аккорды, проиграл вступление, кивнул солистке. И Таисия Матвеевна взволнованно, немножко надрывно вступила, вцепившись руками в пуховую шаль на полной груди и от волнения забыв про «лесами». Впрочем, она должна была еще сама уточнить правильность замечания баяниста.

– Зацветает степь цве-е-тами. А вокруг сады цве-ету-ут...

– Это сделали мы сами, это наш колхозный труд, – вступила Тоська.

– Земля моя раздольная, широкие поля... – грянул припев хор.

Зал, полупустой и случайный, не избалованный искусством, пусть самодеятельным, завожено слушал.

А Таисия Матвеевна всем телом, и руками, и лицом, и глазами продирижировала пиано, и хор послушно медленно стих, но лишь на мгновение, чтобы даже не перевести дух, а настроиться для второго куплета. Музыкант виртуозно повторил проигрыш припева на баяне.

Это было грандиозно!

Репетиция продолжалась. Баянисту не дали отдохнуть.

Молодые училки начальных классов Василиса с Полиной вспомнили студенческую песенку про кораблик детства. Под аккомпанемент баяна простенькая песенка зазвучала обещанием стать деревенским шлягером на все времена.

Павел Максимович, учитель ботаники, старенький, уже на пенсии, сбегал домой за деревянными ложками и, виртуозно треща ими, исполнил под баян несколько задорных плясовых. Лаборант Колька вдохновенно, хоть и невпопад, стучал по пустым бутылкам, выстроенным рядом, как трубы органа в Домском соборе.

Талант и вдохновение баяниста поднимали самодеятельность учителей на новый уровень.

Из зала рвались энтузиасты тоже показать свой талант и разделить успех выступающих.

– Только учителя, товарищи, – останавливала их Таисия Матвеевна, не желавшая делить успех с кем бы то ни было. – Это концерт только учительских талантов!

Физичка с математичкой лихо сплясали «Барыню». Стучали в пол каблуками давно не надеванных туфель, юбки закручивались вокруг ног и открывали колени... Музыкант залихватски играл «Барыню» стоя и, где надо, вступал в пляс сам. Он шел на одну ногой – ах, ах, ах, а она сама по себе, вздернув подбородок, шла от него, поигрывая согнутыми локтями, чтобы тут же с другой ноги пойти на него – ах, ах, ах!.. А он уже наступал на другую, и она, немного смущаясь, тоже шла сама по себе... Математичка Валентина Александровна плясала на сцене первый раз в жизни и поэтому робела.

– Даешь, Валь Санна! – подбадривали ее из зала. Настоящее ее имя-отчество Валентина Александровна никто из учеников не проговаривал. Скрадывая половину, называли коротко Валь Санна. Так в школе и повелось ее называть. Так называли ее и подруги.

Тоська в это время сбегала домой за гитарой. Отдышалась, вышла на сцену.

В зале захлопали. Ее пение любили.

– Песня на романтические стихи Блока «Мы встречались с тобой на закате»! Тоська перебрала гитарные струны, баянист тут же подстроился, и «весло, рассекающее залив... догорающие свечи... безмолвные встречи...» – выразительно оттенились деликатными перепевами баяна. Петрович был мастер.

Завуч слушала песню, оценивая ее с педагогической точки зрения: «Я любил твое белое платье утонченность мечты разлюбив...» – это что же: внешность избранницы для поэта важнее, чем ее душевные качества? – «Ни тоски, ни любви, ни обиды...» – вот и вся недолговечность романтической любви! – Таисия Матвеевна смотрела на воодушевленно поющую Антониду Екимовну, представляя ее, рассекающей золотым веслом залив и мечтающей о необыкновенной любви между мужчиной и женщиной, которая существует только в стихах и романах. Если бы была в жизни, то не жила бы Таисия Матвеевна сейчас одна с сыном. И не только она. Вон Лида... Лидия Кузьминишна...

Отзвучали последние аккорды.

– Про Лукоморье! Антонид Екимна! Спойте! Про Лукоморье! – закричали из зала.

– Это про какое Лукоморье? Пушкина? – очнувшись от своих мыслей, уточнила Таисия Матвеевна у Тоськи.

– Не совсем. Это, так сказать, компиляция. Для просвещения населения, – попытался помочь ей грамотный Юрий Петрович. Не помог.

– Никакой компиляции! – решительно сказала Таисия Матвеевна и зачем-то добавила: – Пока я завуч школы!

– Про Чуду-Юду! А принцессу мне и даром ня надо... Антонид Екимна! – зашумели в зале, поняв, что Лукоморье запрещено.

– Хабане-еру! Хабане-еру! – шутя закричали училки, вспомнив, как в фильме «Верные друзья» народ требовал песенного искусства от академика архитектуры.

– Никаких «Хабанер» и принцесс! – не сдавалась завуч. – Тишина в классе, то есть в зале! Теперь очередь хора! Строимся, товарищи, на хор! Юрий Петрович, где ваш стульчик? Садимся поудобнее. Антонида Екимовна, объявляем! И без – «па-апросим, товарищи!» Это – некультурно!

– А сейчас в исполнении хора прозвучит «Бодрый марш», не оставляющий места пессимизму в нашей жизни, – сочинила на ходу Тоська, отвлекая внимание от подробностей авторства, которого не знала и, забывшись, продолжила: – Па-апро... Ой, извините...

Таисия Матвеевна энергично взмахнула пухлой рукой, и хор грянул, отчетливо отделяя слова:

– Надо. Надо. Надо нам, ребята. Жисть. Красивую прожить...

«Жисть», как и «исть» легче ложилась на язык сибиряков. Так и пели. Ведь были же «сами-лесами»...

– Надо. Что-то. Важное. Ребята.

В на-ашей жизни. Совершить! – гремел хор.

– Нам на достигнутом. Не успокоиться!

И не снижать души. Своей полет... – вдохновенно пела с хором Таисия Матвеевна. Только так! Без всяких там «догорающих свечей» и тоскливых «голосов панихид»! С радостным оптимизмом! Только такие песни сплывают и воодушевляют на жизненный подвиг!

Допели, и на «подвиг» в виде акробатического этюда воодушевился физрук Сашка, увлекающийся акробатикой. Он служил на Даманском, когда там происходили самые события и участвовал в том бою, где погибли его товарищи. Как у Высоцкого, что как-то пела Антонида:

При поддержке минометного огня,
Молча, медленно, как будто – на охоту,
Рать китайская бежала на меня,

Позже выяснилось – чнсленностью в роту...

Это подвигом он не считал. Выполняли приказ. Защищали свою землю. А вот выступить одному на сцене... Перед всеми! Это – да! Здесь нужны смелость и героизм!

– Эх, была не была! – преодолевая природную застенчивость, воскликнул он, только что шапкой оземь не ударил. Скинул валенки и шерстяные носки, стянул через голову свитер и с пришедшим азартом перемигнулся с Петровичем. Тот взял первые аккорды. Зазвучала знакомая музыка «Чардаша» Монти...

Следуя ритму тягучих органных звуков, физрук неспешно повел плечами, покрутил головой, разогревая мышцы шеи... и легко встал на руки, вытянулся в струнку... Потом отвел правую в сторону, изогнулся дугой всем телом в другую сторону и застыл в этой невозможной позе. В зале замерли...

А баян Петровича вздохнул басами, подержал паузу, и музыка в быстром темпе устремилась вперед. Физрук прошелся «колесом», встал на ноги, разбежался, оттолкнулся от пола и завертелся в кувырках, сальто и еще чем-то головокружительном... Музыка гналась за ним и бежала с ним наперегонки... Скульптурные позы тренированного тела сменяли одна другую...

Физрук был по-мужски красив! Живая эротика! Звуки «Чардаша» искушали даже искушенных!

Раскрасневшийся Сашка в майке и лыжных шароварах стоял на сцене. Прическа растрепалась... Вместо аккуратно уложенного на сторону чубчика, светлые прямые волосы спадали на лоб. Глаза светились смущением и радостью. Он преодолел себя! И все это поняли и аплодировали ему, как герою!

– А он – ничего! Прямо Спартак из балета! – перешептывались молодые училки. – И Петрович – тоже... – разглядывали они улыбающегося баяниста, которому хлопали отдельно. Таисия Матвеевна расчувствовалась, подошла и с благодарностью пожала ему руку.

После репетиции Петрович пошел провожать училок. Его пригласили выпить чаю. По-городскому. Они жили втроем: Тоська, математичка Валь Санна и физичка Таня.

Юрий Петрович с интересом разглядывал их обиталище, вызывавшее удивление односельчан: декоративные коряги, подвешенные на стене в виде полочек, настенную живопись: абстрактное дерево с разноцветными кругами вместо листьев.

«Осень» – прокомментировала Тоська. Петрович с пониманием кивнул:

«...презренной прозой говоря, в деревне скучно...»

Потом он осмотрел пузатую зеленую бутылку без донышка под названием абажур, их гордость, потрогал ее пальцем, качнул, и по стенам забегали причудливые тени...

Хозяйки оригинального интерьера предстали перед Петровичем как натуры, скорее, творческие, чем хозяйственные. Что тут же подтвердилось: пить чай было не с чем.

Петрович улыбался. Ему нравились эти молодые, веселые, нехозяйственные училки, особенно одна из них.

Статус училок получали в деревне выпускницы пединститутков и педучилищ, приезжающие отбывать распределительную повинность и не обзаведшиеся хозяйством.

Как говорил начальник отдела НИИ, где работал Петрович, безалаберность молодости – это не диагноз: с возрастом проходит. А вот вязание шапочки из мохера в общественном транспорте – это уже диагноз! «Тут есть за что подумать!» – предостерегающе-шутливо поднимал он палец.

Между тем девчонки пошарили «по сусекам». Нашли блинную муку. Решили жарить блины. Оказалось, что Петрович это умеет делать гораздо лучше, чем они. Пока жарил блины,

успел рассказать немного про себя: заядлый охотник, приехал, чтобы поохотиться. Ехал на своей машине, с приключениями. А уж какие были веселые случаи на охоте!.. Девчонки смеялись.

– А не жалко стрелять птиц? – вдруг спросила Тоська.

– А ты куриный суп любишь?

– Люблю.

– Когда ешь, не задумываешься о жалости к убитой курице?

– Так ее и выращивают для того, чтобы есть!

– А может, она летать хотела, цыпляток завести...

– А у тебя блин подгорает! – потянула Тоська носом.

– Последний блин – комом! – Петрович отодвинул сковороду в сторону от огня и повернулся от плиты с горкой блинчиков на тарелке.

– Прошу! – поставил он тарелку на стол. Блинчики были тоненькие, с кружевной каемкой...

– Ой! Какие! – восхитились голодные девчонки. Они тут же разлили чай по чашкам и приступили к поеданию блинчиков.

– Петрович! Необыкновенно вкусно!.. Как дома! Проси за это, что хочешь!.. Хочешь, возьми коня любого!.. Возьми любой шатер!.. Любое желание!.. – с веселой благодарностью затараторили девчонки, разбирая последние блинчики по тарелкам.

– Надо подумать! – улыбнулся Петрович, допил чай, подумал и сказал:

– А расскажите какие-нибудь истории из жизни учительствующего народа.

– То есть из нашей жизни? – уточнила Валь Санна.

– Из вашей... из сегодняшней, деревенской...

– Но это строго между нами!

– Слово даю!

– Тогда слушай! Тоже про исполнение желаний. Вернее, о несостоявшемся исполнении... – пошептавшись с девчонками, начала Тоська: – У нашей Полины – это та, которая сегодня «Кораблик» пела, – есть жених, сейчас служит в армии, – начала Тоська, – она его ждет и, как положено, письма пишет. И вот однажды получает от него письмо с таким предложением: давай, дескать, проверим, кто из нас умнее. Будем посылать друг другу трудные слова и отгадывать их значение. Счет как в футболе. Кто проиграет, исполняет любое желание. Вот присылает ей первое слово. Полина его значение не знала, прибежала, спрашивает, серьезно так, что это за слово? Военное? С техникой, наверное, связано? Он – артиллерист ведь! А я, как увидела, что он написал, сначала даже не знала говорить Полине или нет... Она такая нежная, романтичная!

– Ты суть давай! – нетерпеливо воскликнула Валь Санна. – Короче, слово было такое: экскремент!

– Ну и что же Полина? – смеясь, поинтересовался Петрович.

– Полина, как узнала, страшно обиделась. Дурак, говорит, больше писать ему не буду! Хулиган! Как он мог!

– Хулиган-то, хулиган, но счет один – ноль! И в его пользу! – улыбнулся Петрович. – И чем это соревнование закончилось?

– Жених на следующий день письмо прислал. Извини, пишет, меня разыграли. Я сам не знал, что оно означает!

– Как сказал Стародум: «Вот злонравия достойные плоды»! – подытожила Тоська.

– Желание быть умным в глазах невесты обернулось крахом!

– Погоди, история продолжение имеет!

– Ну-ну...

– Продолжение такое, – взяла Валь Санна инициативу в свои руки. – Привезли в клуб фильм «Адьютант его превосходительства». Пошли мы смотреть. И когда батька Ангел с Тимкой захотели «экскремент» над пленными сделать, вместе с героями на экране засмеялись в зале одни мы...

– Как вынужденные специалисты по этому слову! – с комичной интонацией добавила Тоська.

– А артист Папанов, глядя на нас с экрана, говорит: «Ты погляди, Тимка, опять смешливые попались!» И все в зале, как будто это к ним батька Ангел обратился, стали поворачиваться, чтобы посмотреть на своих смешливых. Хотя и так было понятно, что это «училки».

– Кто ж еще! Только им такое пишут! – смеясь, комично развела руками Таня.

– А потом кто-нибудь из деревенских поинтересовался, что это за слово такое? Почему над ним смеются? – спросил Петрович, когда все отсмеялись.

– Рыжая Маня спросила. Ученица наша. Очень любознательная!

– И еще телеграфист Вольдемарт.

– Вольдемарт?

– Да. Он так себя назвал, когда познакомились. Мы сначала смеялись, а потом привыкли. Так и зовем. Он любит щегольнуть разными интересными словечками. А тут слово, от которого смеются. А он не знает. Тут же прибежал выяснять.

– Выяснил и что придумал, – продолжила Валь Санна, – поехал в район. Там у него какой-то дружок есть. Взяли они своих подружек и пошли в клуб, где «Адьютанта» показывали. Вольдемарт дождался эпизода с батькой Ангелом и «экскрементом» и, как он сам потом рассказывал, в полной тишине заржал на весь зал. И все разом повернулись на его ржание! Смотрели, как он говорит, с уважением! А из первых рядов даже вставали, чтобы посмотреть на него!

– Это было его «звездное» ржание!

– И в районе его теперь называют не иначе как Вольдемарт Смешливый!

– Нет! Вольдемарт Ржущий!

И опять смеялись, держась за животы. Училки любили посмеяться.

А телеграфист Вольдемарт был легок на помине. Как только Петрович ушел, раздалось его топанье в сенцах и, громко стукнув в дверь, он ввалился в избу. Вольдемарт любил бывать у училок: он считал себя интеллигентом и нуждался в соответствующем общении. Он не знал ничего, кроме азбуки Морзе, но гордился перед ними, важничал, намекая на секретность своей работы: «Я ведь еще и уполномоченный», – часто говорил он им, значительно поднимая брови.

– Здоров, девчат! Как жисть молодая? – привычно спросил он.

– Цветем и пахнем! – привычно отозвались они. – Привет!

– Пахнете здорово! – Вольдемарт потянул носом. – Блины жарили?

– Угу! Вот один остался! Немного подгорел, – предложила Тоська блин, забракованный Петровичем. – Хочешь?

– А чо! Давай! – он аккуратно повесил свое драповое полупальто на крючок, сверху набросил белое шелковое кашне – предмет его гордости – и подсел к столу.

– М-м-мм... – голодный Вольдемарт поглощал блин, почти не жуя. – Ух, вкусно! Замуж тебе, Антонида, надо! Будешь мужа блинами кормить!

– Для этого замуж выходить? – ехидно уточнила Валь Санна.

– Ну не только... – хохотнул Вольдемарт и, подавившись, закашлялся.

– Во-от. Бог-то не Тимошка! – Тоська постучала кулаком по его спине и налила в чашку чаю.

– Всё... Всё... Уже прошло, – он отхлебнул из чашки и умиротворенно откинулся на спинку стула.

– О! Хорошо! Девчат, я чо пришел. Говорят, концерт скоро будете давать? Репетиция была. Плясали, пели. Чо? И на концерте тоже будете?

– Ну а для чего же мы репетировали?

– Ну не знаю... А может, и мне выступить?

– Давай! Морзянкой простучишь по зубам песню «Не кочегары, мы не плотники, да...» – пропела Тоська.

– «... и сожалений горьких нет, так нет...» – подхватила Таня.

– «...а мы почтовые работники, да...» – и Валь Санна, отбивая ритм пальцами по столу, закончила: «и телеграфом шлем привет!...»

– Та-та-там... – простучали по столу уже втроем.

– Ну я, конечно, не такой артист, как вы! – обиделся Вольдемарт и мстительно добавил: – А вот скоро настоящая артистка приедет! Она вам класс покажет!

– Это кто ж? Неужто Нонна Мордюкова? – подбоченилась Тоська.

– Не... Получше вашей Нонны есть! – Вольдемарт выдержал паузу. – Я сегодня телеграмму отнес тетке Насте. Доча ейная, артистка, едет! Любаня, акробатка. Дядя Лёня уже лошадь с санями готовит, встречать в район поедет. Тонь, ты ж квартировала у них! Они чо, не рассказывали?

– А как же!

И Тоська показала в лицах: «Девка – самостоятельная, живет в городе, зарабатывает хорошо на фабрике... И в цирке выступает! По проволоке ходит! В газетах ее пропечатывают!»

– Ага, даже в областной! И фотки ее печатали! Я видел! – хвалился Вольдемарт.

– Ну и чо? – опять подбоченилась Тоська. – Про нас тоже писали и фотку, как ты говоришь, печатали. Ты ж сам нам газету приносил!

– Ну ты и сравнила! – он скривился в усмешке. – Про нее пишут: из деревни в город приехала... В цирке выступает! И газета областная. А про вас чо? Из города — в деревню... И по проволоке не ходите. И газетка так себе, районная! – отомстил вредный Вольдемарт девчонкам за «кочегаров» и «морзянку на зубах».

Девчонки в долгу не остались.

– «По проволоке дама идет, как телеграмма!» – сложила губы бантиком Валь Санна. – Как раз по твоей почтовой части.

– «Она по проволоке ходила, махала белой ногой», и Вольдемарта страсть схватила своей мозолистой рукой! – Тоська драматично прижала руки к груди.

– «А вдруг потом она обманет, ведь от нее беды не ждешь», – сокрушенно посочувствовала Таня. – Ах, бедный, бедный Вольдемартик, ведь сам по проволоке идешь!

– А ну вас... Чо вы? Ну вы чо? Я ж чо пришел... – вконец запутался Вольдемарт.

– Ну и чо ты пришел? Давай побыстрей! А то поздно уже!

– Ну чо... Любаня едет! Артистка. Вот. Ну концерт же намечается...

– Понятно! Хочешь, чтобы она нам класс показала?

– Ну!

– У нас свои классы есть, с пятого по десятый!

– Да я ж...

– Приводи, Вольдемарт, свою протажу! Пусть покажет, какой у нее класс!

– Сама ты протажу! – опять обиделся он.

– Ну ладно, не обижайся. Приводи свою Любаню.

Вольдемарт долго надевал тяжелое, на вате, пальто, сосредоточенно пристраивал под меховой воротник белое кашне. Медлил уходить. И наконец решился.

– Слышь, Антониди, а чо это за слово такое – протажу?

– Это Любана твоя. Всем теперь можешь говорить, что она – твоя протеже.
– И чо теперь? – испугался Вольдемарт.
– А ничо! Не бойсь! Жениться после этого не обязательно!
Озадаченный Вольдемарт наконец ушел.
– Интересно, какая она, эта акробатка воздушная, которой мы в подметки не годимся? Тебе ее фотографии показывали?
– Только газетные. А там не разберешь. У всех лица одинаковые, из черно-серых точек. Приедет – увидим!

Таисия Матвеевна готовилась к репетиции. Ей нравилось руководить творческим процессом. Проверая замечания баяниста насчет авторства песни, она порылась на полках школьной библиотеки и, к своему удивлению, нашла сборник стихов Фатьянова. А в нем – текст «народной» песни.

Да, песню они исполняли не совсем на его слова, а больше на свои. Но раз слова свои, значит песня – народная. Она всё правильно говорила! Логика у Таисы Матвевны была безупречная.

Она с интересом полистала сборник, наткнулась на тексты песен, которые тоже считала народными...

Не скажется, не сбудется,
А скажется – забудется.
Когда проходит молодость,
То по-другому любитя...

Таисия Матвеевна подошла к окну... «А как это по-другому? Любить можно родителей, ребенка, Родину... И одинаково – и в молодости, и в старости... А встречи с мужчиной в вечернем тумане... в лазурной тиши – это для романтичек!» – недовольно вспомнила она слова песни, что пела Антонида Екимовна.

Песня почему-то не забывалась и волновала ее – оттуда и недовольство.

Завуч еще постояла у окна, потом провела рукой по щекам, вздохнула, поправила высокую прическу и, одернув полы просторного пиджака, бодро вышла из библиотеки.

Оповестить баяниста о следующей репетиции, назначенной на пятницу, завуч поручила Антониде Екимовне. Петрович квартировал на самом краю деревни, «у деда». Старика все называли просто дед, без имени.

Тоська выяснила, как найти его избу, и после уроков пошла.

Низкая дедова изба была занесена снегом. Во дворе носилась безобидная драная собачонка.

Путаясь у Тоськи в ногах, она запрыгнула на крыльцо, залаяла и заскребла лапами по двери. Дверь была не заперта. Тоська прошла через сенцы, постучала. Никто не отозвался.

– Есть кто дома? – Тоська приоткрыла дверь.

Раздались шаркающие шаги, вышел дед.

– А? Чо нада? Заходи, девка, а то избу выстудишь!

– Здравсте, дедушка, а постоялец ваш дома? – Тоська вошла и закрыла дверь.

– Это чья ж ты будешь?

– Я – учительница. А охотник дома? Ну Петрович который...

– А... Не, нету... На охоте... А можа, и не на охоте...

– Дедушка, а вы ему не передадите про ре-пе-ти-цию в пят-ни-цу, – отдельно проговорила Тоська бестолковому деду. Он всё равно не понял.

– Рятица? Это чо за рятица?

Собачонка весело крутилась вокруг Тоськи. Та беспомощно стояла перед дедом и не знала, что делать.

– Я записку напишу. Передадите?

– Чой-то?

– Письмо ему! Я сейчас напишу.

– А-а... давай, – согласился дед.

Тоська вздохнула, достала лист бумаги и карандаш. Подумала и почему-то печатными буквами написала: «РЕПЕТИЦИЯ КОНЦЕРТА В ПЯТНИЦУ В 19 ЧАСОВ».

Положила листок на стол.

– Это отдайте охотнику Петровичу! Отдайте, когда он придет!

– А вот ентова я не знаю! Када захочет, тады и придет! – сокрушенно ударил себя по бокам дед.

Тоська только махнула рукой и пошла из избы, так и не поняв, предупредила она баяниста о репетиции или нет.

Но он сам заглянул к ним.

– Ой, как хорошо! – обрадовалась Тоська, – а то я заходила, а тебя не было. А деду так и не смогла ничего объяснить. Он тебе записку-то передал?

– Я сам нашел. Он ее уже на самокрутки хотел приспособить. А почему – печатными буквами?

– Это, наверное, после разговора с ним, когда я слова печатала, чтобы он понял.

– Да, дед занятый! – Петрович, улыбнувшись, выразительно щелкнул пальцами по шее.

– Посмотрите, что я вам принес! Сегодня в район ездил по делам. Вот заодно...

Петрович достал... настоящий абажур! Кремового цвета с белой бахромой!

– А то от этой бутылки как-то неуютно. Не против, если я его сейчас повешу? Пока не совсем темно!

– Что ты! Конечно, не против! Мы поможем!

– Нет-нет, я сам!

Он всё развинтил, снял бутылку, поставил ее в угол рядом с мусорным ведром и повесил абажур. Включил свет. В комнате стало светло и уютно, тени спрятались за печку и там затаились. Петрович улыбнулся. У него была хорошая улыбка.

– Но это еще не всё! – сказал он с видом фокусника. – Я печенье с вафлями принес. Чайку попьем? Вы заканчивайте свои дела, а я сам всё приготовлю.

– Петрович! Нет слов! Вот жена твоя счастливая!

– Счастье у кого-то впереди. В моих планах на жизнь! Я ишшо молодой, неженатый! Жених, одним словом, – балагурил он и хозяйничал: поставил чайник на плиту, нашел чашки, высыпал в хлебницу печенье, вафли.

Девчонки так и не ушли по своим делам. Сидели за столом, под абажуром, и смотрели на Петровича. На его красивые умелые руки, улыбку... Как всё ловко у него получается! С ним было уютно и спокойно. Стали пить чай.

– Юр, расскажи о себе!

– Да рассказывать-то особо нечего. Всё как у всех. Родился, учился, вот только не женился, а теперь работаю. Всё.

– А почему не женился?

– Не встретил пока никого, – ответил Петрович и почему-то посмотрел на Тоську.

– А – лауреат конкурса?

– Подумаешь, лауреат! Что здесь интересного! – пожал он плечами. – Расскажите, лучше, вы еще что-нибудь про свою жизнь в деревне. У вас здесь интересно!

– Может, про тот случай с водкой? – переглянулись между собой девчонки. – Детективный случай! Рассказать?

– Обязательно!

– Ну так вот... – начала Тоська. – Это случилось, когда мы втроем: я, Василиса и Полина – снимали «угол» у тетки Насти с дядь Лёней. «Углом» служил прямоугольный такой закуток без двери, рядом с кухней. Дверной проем загораживала ситцевая занавеска. В закутке помещались две кровати и стол у окна. Кровати с шишечками, между ними – узкий проход к столу.

– С шишечками и пружинным матрасом!

– Если бы! Вместо пружин была фанера. А на фанеру тетка Настя положила длинные мешки с пуховыми перьями. «Девки на пуховиках спят!» – знали в деревне. Но спать на этой пуховой перине было невозможно. Перья в середине не держались, а сбивались к краям и лежать приходилось на жесткой фанере. Не хватало только гвоздей! Но мы-то не Рахметовы! Свитера подкладывали под себя...

– Как в пословице: «Мягко стелет, да жестко спать»! Не в фигуральном, а в буквально смысле!

– Точно так!

– Ты не подумай, что мы жалуемся, наговариваем! Тетка Настя – женщина хорошая. Мы когда пришли к ней первый раз, она нас, как родных, приняла, горячих щей налила... – на всякий случай объяснила Тоська.

– А что же тогда ушли от нее? – с улыбкой спросил Петрович.

– Она как-то узнала, что баба Клава девок, у нее квартирующих, одной мороженой рыбой кормит, а платят они ей столько же, сколько и мы. Ей обидно стало! Несправедливо показалось! Нам-то по утрам она гуся тушеного исть дает и спим на ее пуховиках! Подняла плату! Ну мы и ушли!

– Не стоил того тушеный гусь и пуховики!

– Закуток на трех человек того не стоил!

– А как же вы втроем на двух кроватях?

– Я спала одна, как королева, а девчонки вдвоем, валетом. Не роптали. С нами в избе жила еще хозяйская доча Гала со своим мужем...

– У них еще одна доча есть. Старшая. Любаниа. Прибыла на днях в деревню на санях. Вольдемарт доложил. Она – артистка, акробатка воздушная.

– В концерте выступать будет. Вольдемарт за нее уже хлопотал!

– Вообще-то, говорят, она на фабрике или ткацкой, или швейной в городе работает! – насплетничала Валь Санна.

– А Гала мужа себе из Новосибирска привезла. Познакомилась с ним, когда он там срочную службу служил. А она училась на «булгахтера», – вошла во вкус сплетен и Тоська. – Фамилия его – Пронькин. Хлестаков, чистый Хлестаков! Каждый вечер как встанет в дверях, как начнет трюндеть... Уж наизусть знаем и как он на «приписку» в Новосибирске вставал, кого-то там подмазав коньяком...

– И что, приписали Пронькина-то?

– Ну, наверное, раз подмазал. И что он шоферит лучше всех в районе... И что в армии «деды» его боялись, а «салаги» уважали... Всё слышали уже сто раз, а ему всё нейдет. Двери-то нет, не закроешь. А Гала ревнует! На нас злится! Не только, конечно, из-за Пронькина... Но дело не в этом. Пронькин вместе с дядь Лёней ездил в район за товаром и продуктами для сельпо. Как приедут ночью, сядут на кухне есть-выпивать и разговоры разговаривать: дядь Лёня – громыхающим голосом, Пронькин – жидким тенорком. Мы – за занавеской. Спать хотим. А им хоть бы что! Пронькин всё пытается что-то значительное про себя объяснить. Но

с дядь Лёней не забалуешь! Тот любит поговорить сам. У него так много вставных зубов, что он погромыхивает ими, когда говорит.

– Может, вставные челюсти?

– Может быть. Только у него их больше двух! Знаешь, как громыхает! Вот лежим и слушаем. Начинает дядя Лёня свою «песню» на главную тему: «Учись, зятек, пока я жив. Живу хорошо, потому как ум есть. Ты ума небольшого, но я тебе всегда подскажу, что и как надо! Кругом-то дураков много. Вон наши училки! Беднота. Хоть и цельный день в школе торчат. Ни кола ни двора. И не будет ничего с их умишком-то». И кричит нам: «Слышите, девки? Женихов умных ищите!» А Пронькин в восторге заходится: «А умные-то ты да я. И уже занятые. Да, пап?» Ну мы, как глупые девки, в разговор не вступали. Делали вид, что спим. Но это только присказка. Сказка впереди!

Тоська отхлебнула чай и продолжила:

– Ну так вот. Теперь сама история... Дело было зимой. Приближался Новый год. Дядя Лёня с Пронькиным поехали, как всегда, в райцентр за товаром, но к обычному времени не вернулись.

Появились они уже под утро. Мы не спали. Тетка Настя своими страхами, что мужики пропали, не давала спать. Ввалились они шумные, взволнованные такие, громогласные. Но как-то уж слишком, по-театральному...

Перебивая друг друга, стали рассказывать... В этот раз они везли водку.

Получили как положено, с документами. Расписались где надо. Их в райцентре всё начальство знает.

– Да, пап? Уважают. Всегда за руку!

– Загрузили цельный кузов ящиками с водкой. Сверху, как предписано, затащили брезентом. А как же! Правила знаем! Всё соблюдено! Поехали. Дорога дальняя, зимняя. Темная. Едем себе, едем...

– И вдруг какой-то грузовик обгоняет! Чо за грузовик? Откель он взялся-то?

– Хрен его знает! Ну вот минуты три, нет, вру, четыре, – честно уточнил дядя Лёня, – едем с им бок о бок. Потом этот грузовик нас обгоняет и быстро так, вперед, вперед... А темень такая, ни хрена не видно, даже номеров не увидали. Вот, значит, приехали в деревню, брезент откинули...

Тут дядя Лёня держал паузу, как артист МХАТа. Мы аж дыхание затаили.

– Ну? – не выдержала тетка Настя.

– Ну! Баранки гну. А пяти ящиков с водкой-то нету! – страшно громыхнул он челюстями.

А Пронькин тут же, с готовой версией:

– Это вот тогда, когда этот грузовик к нам прижался, один перескочил в нашу машину и другому в кузов ящики с водкой и перебросал! Вот умельцы-то! Да, пап?

Тетка Настя как заголосит: «Чо теперича делать-та?»

А дядя Лёня ей: «Не вой! Завтра протокол составим с участковым. Списывать будем!»

А Пронькин: «Это районные, пап... Точно. Они видели, как мы водку получали под роспись». И нам: «И ведь бок о бок... А мы и не поняли... Э-эх!»

И дядя Лёня подытожил: «И я так думаю. Они. Больше некому. Будем активировать!»

Петрович улыбнулся.

– И что? Списали?

– Списали. Заактивировали. Участковый составил протокол. Мы как бы – «свидетели происшедшего со слов потерпевших»! Так участковый сказал.

– Кто-о-о?!!

– Участковый.

– Да я про свидетелей! Какие же вы свидетели? Ну вы даете!

– Да где уж нам! Это – они! А мы так, «свидетели происшедшего со слов потерпевшего»!

– Лихо! А в деревне что про это говорили?

– Завидовали, естественно! Все ж знают, что зимой на нашей дороге две машины, если и разойдутся, то с трудом... А тут бок о бок!

И опять смеялись.

– Эх, девчонки, весело с вами. Даже идти к деду своему хмельному не хочется. Но надо! Хотите, сыграю вам на гитаре на прощанье? Чтоб спалось хорошо?

– А ты и на гитаре играешь?

– Так, немного.

Тоська принесла гитару.

Петрович подстроил ее, опробовал. Взял несколько аккордов...

– На меня надвигается по реке битый лед... – запел, да так хорошо, что девчонки радостно взвизгнули, как поклонницы на концерте. – На реке навигация, на реке – пароход...

– Па-ро-ход белый-беленький,

дым над красной трубой...

Мы по палубе бегали,

целовались с тобой...

Они уже пели вместе с Петровичем.

– Пахнет палуба клевером,

хорошо, как в лесу.

И бумажка приклеена

у тебя на носу, – улыбаясь, пел он. И девчонки тоже улыбались и пели вместе с Петровичем.

И было всё так же, как в фильме «Коллеги»: зима, деревня, горящие дрова... гитара... песня «...ах ты, палуба, палуба...», молодые специалисты-романтики: «Какой след в сердцах людей мы оставим после себя?..»

И сейчас – гитара... свитер... песня... они, молодые специалисты... И мысли про след в сердце – правда, только про любовный след...

Было хорошо.

Милый, милый Петрович...

В пятницу, после уроков, в учительской собирали деньги на банкет. После концерта полагось застолье. Таись Матвевна подсчитывала на скольких человек накрывать стол.

– А баянист наш, Юрий Петрович, один будет? Кто знает? Он, вообще-то, женат? – с интересом спросила она.

– Нет, не женат! – доложила Валь Санна.

– Откуда информация? – деловито поинтересовалась завуч.

– Он так сам сказал.

– Слушайте, может, тогда у Лидии Кузьминишны застолье устроим? – предложила добрая Екатерина Максимовна. – А, Лида? Сколько тебе одной-то жить? Да ребенка поднимать? Ему уж сколько? Двенадцать? Тяжело. А баянист – мужчина молодой, добрый, на баяне играет. Может, у вас что и сладится?

– Ой, ну зачем же? – засмущалась химичка.

– Всё. Застолье – у Лидии Кузьминишны. Решено! – утвердила завуч. Про себя она решила, что по сравнению с химичкой находится в лучшем положении одиночества, потому что у нее хорошая должность, карьерный рост... Муж даже помешал бы в ее ситуации...

Сконфуженно улыбаясь, химичка выскочила за дверь.

– Товарищи учителя! – понизила голос Таисия Матвеевна. – После застолья не засиживаемся! Юрия Петровича оставляем с Лидией Кузьминишной! Всем понятно? Молодежь?

– Понятно. Конечно. Уйдем, оставим их вдвоем.

Помочь устроить личную жизнь женщине с ребенком хотели все.

Вечером учителя собрались в клубе на генеральную репетицию. Зрителей не пускали.

– Завтра, завтра всё увидите! Концерт завтра!

Вольдемарт пришел заранее и привел, как обещал, акробатку Любаню. Вместе с ней пришли Гала, как всегда злая и чем-то недовольная, и Пронькин, как всегда веселый и шутливый. Они парадно сидели в зрительном зале. На сестрах были одинаковые вязаные шапки из белого мохера, купленные Любаней на городском рынке, и песцовые воротники – подарок от отца-охотника. Между шапкой и воротником – квадратные лица молодого дяди Лёни.

Белое кашне Вольдемарта делало его похожим на свата. Он важно сидел, ждал, когда обратят на них внимание. Обратили.

– Это кто ж? Никак Любаня? Артистка наша? – увидел первым Пал Максимыч.

– Я! Вот в гости приехала! – улыбнулась Любаня. Редкие зубы делали улыбку некрасивой.

– Ты как? Посмотреть? Или, может, выступишь?

– Я сначала посмотрю, что у вас за концерт такой!

«Ишь какая! Пожила в городе и загордилась!» – подумали многие, но сказали: – «Что ж! Ты теперь городская, от деревни отвыкла. А посмотреть – посмотри...»

Таись Матвеевна энергично начала репетицию. Попробовала с хором заменить в песне «цветами» на «лесами». Но переучить слова, которые уже запеты, оказалось трудно. Решили петь по-старому. Петрович, как главный консультант, не возражал. Репетировать начали вяло, но потом учителя разошлись. Пришел кураж, и они азартно пели, плясали, стучали на ложках и по бутылкам. Таись Матвеевна переставляла номера, уточняла их порядок в концерте.

В это время Вольдемарт уламливал артистку:

– Любань, ну ты чо? Сидишь как засватанная? Покажи класс! Давай!

Пронькин тут же подключился:

– Любань, ты ж костюм с собой взяла! Я ж видел! Покажись. Пусть подивятся! Гал, ну скажи ей!

– Чо пристал? Как захочет! Чо я ей, приказывать буду? Чо я – училка?

Гала не любила молодых и веселых училок. Когда их видела, появлялось раздражение и непонятная злость. Нет, понятная. Было от чего. Мало того, что Пронькин возле них вертится... А он ей не без труда достался. А уж женить на себе она смогла только с помощью отца, способного заболтать кого угодно. Так она еще не могла забыть, как должна была готовить по утрам еду им, когда они квартировали у них. Мать велела.

Гала встретила глазами с Тоськой и на ее приветливый взгляд демонстративно отвернулась и зло посмотрела куда-то в зал. Тоська на это только улыбнулась: «Ох, уж эта Гала...»

...Каждое раннее утро их будил демонстративный грохот поленьев у печки. Звонко лилась вода из ведра в кастрюли. Кухонная возня беременной Галы сопровождалась ее громким ворчанием на нехозяйственных молодых девок, которые труда не знают. Каждое утро тушилась картошка, сверху присыпанная кусочками мороженого гуся.

– Девки, идите исть! – кричала им Гала и уходила досыпать. До занятий в школе оставалось еще много времени. Есть рано утром девкам не хотелось. Они пили кофе с бутербродами и бежали в школу. Гала за это ненавидела их еще больше, но продолжала каждое утро со злобью чистить картошку.

Зато деревенским, интересующимся, сколько девки за комнату платят, тетка Настя отвечала: «А чо вы хотели? Я девкам каждый день гуся тушеного исть даю».

Любаня сидела и то ли жеманилась, то ли смущалась. Она сама не могла понять. Ее почему-то стеснял баянист. Незнакомый симпатичный мужчина. Молодой. По виду городской. Он ей сразу понравился. И это мешало сосредоточиться. Жизнь в городе учила ее быть деятельной и энергичной. Ее соседка по общежитию красивая хохлушка Оксана говорила: «Пид лежащий каминь вода не тече, а роки витикають!» Еще как! Уж за тридцатник навитикало! А жениха всё нет. Она вспомнила, как вела себя Оксана с кавалерами, вспомнила цирковые уроки, где учили актерскому апломбу. Среди училок – она обвела их критическим взглядом – нет никого, кто с Оксанкой сравнится. Не, вон есть одна, тоже ничего... Смотрит в нашу сторону.

Тоська отвела взгляд от артистки. Она ей не понравилась: «На сестру похожа. А Гала – как крепкий, корявый пенек. Если и артистка такая же, то ей лучше выходить на сцену в борцовском полосатом купальнике и перебрасывать гири! А восторженного Вольдемарта – рядом. В униформе. Пусть гири ловит!»

У Тоськи не прошла досада от его пренебрежительного бахвальства. Она сошла со сцены в зал и села рядом с учителями.

Таись Матвевна объявила перерыв. Петрович остался на сцене и что-то тихо наигрывал на баяне.

Любаня еще раз внимательно осмотрела его, поразмышляла и решилась.

– Ладно, выступлю. Так и быть, – сказала она Вольдемарту и пошла к сцене.

Подошла к баянисту, не снимая пальто и шапки. В городской мохеровой шапке она должна смотреться выгоднее училок в деревенских платках.

– Здравствуйте, а меня Любой зовут! – обезоруживающе, как это делала Оксана, улыбнулась она. – А вас как?

– А я – Юрий Петрович.

– А почему так официально? – кокетливо спросила Любаня. – Вы такой молодой, что можете называться просто Юра.

– Можно и Юра, – согласился он, – или Петрович, как меня здесь теперь называют! И из вежливости спросил: – А вы и есть та самая артистка-акробатка?

– О! Какая я знаменитая! – жеманилась Любаня, подражая Оксане. – Меня пригласили выступить в вашем концерте. Как насчет музыкального сопровождения?

– Всё что угодно! Марш, вальс, полька, твист... Что вы предпочитаете?

– Что-нибудь не слишком быстрое. И – чувствительное... – посмотрела на него Любаня женским взглядом. Такой взгляд у Оксанки был неотразим.

– И цветные фонари включите!

Лаборант Олешко метнулся и включил несколько фонарей.

– Вот сюда направь! – показала она в правый угол сцены. – И всегда держи свет только на мне! Пол на сцене должен быть темным! В зале свет выключи!

Олешко всё исполнил. Сцена сразу преобразилась! Стала радостной, как в цирке.

– Антонида Екимовна! – забеспокоилась Таисия Матвеевна, – объявить же номер надо!

Тоська вышла на сцену.

– А сейчас... – она выдержала значительную паузу, – выступит наша гостья. Из южного украинского города! Она покажет нам свою «бодрость духа, грацию и пластику»! Па-а-просим, товарищи!

Все захлопали и замерли, устремив свои взгляды туда, куда были нацелены разноцветные лучи. Петрович заиграл: пам-па-ра-а-а... пам-па-ти-ра-ра-ра-а... Волшебная музыка знойного танго «Маленький цветок» обещала сказочное действие!

Любана дождалась начала самого эффектного музыкального такта: «Оп–ля!»

Она появилась блестящая с ног до головы, переливающаяся под светом фонарей! Воздушная короткая юбочка зрительно удлиняла ее ноги. Любана еще приподнялась на цыпочки. Волосы она затянула блестящей лентой в хвост на затылке, и он, встав пальмочкой, тоже приподнял ее вверх. Любана задействовала все известные ей хитрости и умело скрыла свою коренастую, мускулистую фигуру. Ожидание, музыка, свет, блестящая Любана! Новогодняя сказка!

Аплодисменты...

И Любана пошла по диагонали сцены, аккуратно переставляя ноги, по одной линии, разводя руки в стороны и покачивая ими для равновесия. Казалось, что она идет по канату, освещенная разноцветными лучами... Темная высокая сцена и невидимый пол создавали иллюзию воздушного пространства.

Остановилась, подняла согнутую ногу, качнулась телом... В зале непроизвольно ахнули. А Любана подпружинила на одной ноге, подпрыгнула, приземлилась, покачалась и села на шпагат.

За музыкой она не следила, и Петрович играл, как тапёр в кинотеатре, меняя темп и всячески подстраиваясь под ее телодвижения.

Любана вставала на мускулистые руки, крутила колесо, мелькая крепкими ногами, делала мостик, балансируя и чудом удерживаясь на канате. Зал следил, затаив дыхание. Взрослые люди, как дети, верили в чудеса. Под конец номера она подошла к краю сцены, замерла в красивой позе, покачалась и артистично спрыгнула в зал. Лучи света тут же осветили ее.

Полная иллюзия прыжка с каната!

Молодец Любана. Артистка!

Она по боковым ступенькам взбежала на сцену и профессионально стала делать поклоны. Красивые, с полусогнутой ногой назад. Прямо, влево и вправо. Как в цирке на арене! Петрович быстро подстроился и заиграл цирковой марш.

Все восторженно захлопали.

– Любана! Молоток! – надрывался Вольдемарт.

Пронькин засвистел Соловьем-разбойником!

Любана послала воздушный поцелуй баянисту, на цыпочках попятилась к заднику и исчезла за ним. Все продолжали хлопать. Она еще раз появилась, профессионально улыбаясь, раскинув руки к залу... Те же поклоны. Воздушный поцелуй. Исчезла.

Все хлопали, не жалея ладоней. Вольдемарт, торжественный, как будто это он сейчас крутил колесо, громко объяснял сидевшим рядом:

– Это я ее пригласил! Я вот девочкам говорил, мол, артистка приехала. Настоящая...

Но его никто не слушал, переговариваясь между собой: «Прям, как в цирке!..»

– А ты чо, прямо из Новосибирска? – панибратски подошел к Петровичу довольный Пронькин и, не дожидаясь ответа, заговорил: – Я тоже оттуда, как на приписку стал после армии, а вот пришлось с Галой сюда ехать, шоферить. Ты когда назад-то?

Петрович не успел ответить. Таисия Матвеевна призвала к тишине и напомнила, что завтра, в субботу, состоится концерт.

– Акробатический этюд физрука включен в первое отделение. А канат Любани – во второе. Сюрпризом! И чтобы все участники концерта были за час до начала! После концерта состоится застолье у Лидии Кузьминишны. А сейчас все свободны!

Учителя стали одеваться и потянулись к выходу. Юрий Петрович понес баян в шкаф.

– Юра, подождите! – Любана, уже в пальто и мохеровой шапке, вышла из-за занавеса.
– Ну как вам? Понравилось?

– Очень. Всем понравилось! Завтра – под ту же музыку?

– А меня на банкет пригласят? – кокетливо провела она пальчиком по песцовому воротнику.

– Вас, как звезду концерта? – проследил Петрович за движением пальчика и заключил:

– Вас – в первую очередь!

– А вы тоже будете? – поглаживая мех рукой, с Оксаниной загадочной интонацией спросила Любана.

– Куда ж я денусь! – обреченно вздохнул Петрович, глядя на песцовый воротник.

– Ну тогда до завтра! – Любана театрально поболтала в воздухе рукой на прощание и пошла Оксаниной походкой победительницы к выходу. После такой грамотно проведенной репризы обязательно смотрят вслед.

Петрович вслед ей не смотрел. Чему-то улыбаясь, он ставил баян в шкаф под ключ.

Необыкновенные репетиции обсуждала вся деревня. Концерта ждали с нетерпением. Концерты здесь были редкостью.

Наступила суббота.

В клуб, как на праздник, потянулись деревенские жители. Сидели в зале, не снимая верхней одежды, но выглядели празднично. «Наверное, из-за нарядных причесок женщин и их улыбок...» – разглядывала Тоська зал через щель в занавесе. Из-под распахнутых полушубков белели расстегнутыми воротами рубашки мужчин.

Таисия Матвеевна дала сигнал к построению хора.

Взволнованные учителя дисциплинированно построились в два ряда. Петрович с баяном замер на стуле перед ними.

И завуч, тоже волнуясь, махнула рукой: «Занавес!...»

После концерта возбужденные, радостные участники концерта собрались за столом в доме у Лидии Ильинишны. На столе стояли отварная картошка, сало, соленые огурцы, грузди, капуста, водка, большое блюдо с только что сваренными домашними пельменями... Первая рюмка под тост «За наш успех!»

Было весело и шумно. Сидели, выпивали, закусывали, вспоминали выступления, смешные накладки в концерте, смеялись, хвалили баяниста и самих себя. Отдельно – Любаню. Произносили тосты.

Поставили пластинку. Игла поскрипела по ее внешнему кругу, перешла на звуковую дорожку, и возникла знакомая Тоське с детства мелодия, а потом красивого тембра мужской голос запел:

"Ночью за окном метель, метель,
Белый беспокойный снег..."

Любаня в ярком, с оборками по низу, рюшами вокруг шеи платье, как квадратная шоколадная конфета в блестящей обертке, подошла к баянисту.

– Юра, можно вас пригласить?

Петрович, галантно оставив недоодеженный груздь, промокнул губы платком, одернул свитер-самовязку и пристукнул каблуками: «К вашим услугам!»

"Ты живешь за тридевять земель,

И не вспоминаешь обо мне..." – пел певец, и Любане казалось, что это он поет о ней и что это чувствует и Юра.

Она прижалась к нему плотнее, голова немного кружилась от выпитого, и она была счастлива. Через свитер он него исходила теплота и мужская сила. Ей хотелось положить ему голову на грудь и вот так танцевать или стоять, всё равно... И никуда не уезжать, остаться дома... Пойти детей шитью учить! Или гимнастике... И забыть про этот шумный город с его красивыми хохлушками, про непрерывно строчащую швейную машину на фабрике, на этой опустыленной Тиняковке...

«...Знала б ты, как ночи напролет, летом и зимой, без сна...» – Да-да, всё так и есть... – «...здесь тебя со мною вместе ждет...» – Да-да, ждет... – «...тишина...»

Песня закончилась.

– Ах, как быстро! – вздохнула Любаня, близко глядя на Петровича и всё еще пребывая в своих мечтах.

– Увы, всё кончается, – улыбнулся он и проводил ее до места.

Несмотря на пришедшее расслабление, Таисия Матвеевна была сосредоточена и собрана.

– Следующий танец в честь хозяйки дома! Юрий Петрович, вы, как гость, приглашайте! – скорее приказала, чем предложила завуч и поставила новую пластинку.

Зазвучало танго Строка «Скажите почему?», тоже знакомое с детства.

Юрий Петрович гусаром подошел к химичке и боднул головой, приглашая ее.

Раскрасневшаяся Лидия Кузьминична встала, положила руку ему на плечо, и Петрович умело повел ее в танго.

«Зачем я встретил вас случайно? – спрашивал бархатным тембром певец. – Об этом знали вы едва...»

Химичка старательно следовала за партнером.

Как давно она не танцевала! Как давно ее вот так сильной рукой не держали за талию и не вели в танце! Всё сама да одна... Спасибо Катеньке, что предложила у меня собраться.

«...И пламя прежнего желанья опять зажглось в груди моей...» – она была счастлива и повторяла про себя эти слова.

Таись Матвеевна не танцевала, а, сидя за столом, одобрительно качала головой и, как сваха, громко повторяла, чтобы услышал баянист: «Какая красивая пара! Как же они подходят друг другу!» Сидящая рядом Любаня повела плечами Оксаниным жестом, оценивающе посмотрев на танцующих: «Химичка какая-то невзрачная! Не соперница!» И громко хмыкнула: «Ничего особенного! Они – не два берега у одной реки! Нет!»

Вокруг танцевали и подпевали певцу хором: «...Но вы ушли, скажите почему?...»

Знойно вступил саксофон, под него Петрович артистично прошел с химичкой бок о бок, повернул ее за талию и, сплетя руки, эффектно раскрутил на последних тактах. Красивое танго закончилось. Все захлопали.

Юрий Петрович довел партнершу до места: «Спасибо за танец!» Лидия Кузьминична трогательно пыталась скрыть радостную улыбку.

– Все за стол, за стол... – приглашала Таись Матвевна и выразительно поглядывала на учителей: «Не забыли, о чем договаривались?»

«Помним-помним...» Выпили еще по одной.

– За первое место в смотре художественной самодеятельности школ! – произнесла тост завуч.

– Без Петровича нам не справиться! Никак! – выпив, сокрушенно покачал головой уже вовсю захмелевший Пал Максимыч. – Петрович! Как? Приедешь весной? Девчат, попросим!

– Петрович, дорогой! Приезжай! – весело закричали все.

– Так, может, мне и не уезжать вовсе? – засмеялся Петрович.

– А вот это – очень хорошая мысль! – значительно сказала Таись Матвевна и выразительно посмотрела сначала на химичку, а потом обежала глазами учителей. Химичка смущенно улыбалась.

Физрук Сашка поставил новую пластинку и, подхватив за талию Любаню, тяжело закружил ее в вальсе.

Тоська, уже немного уставшая от своего и общего возбуждения, встала и потихоньку вышла. В сенцах стала искать свои валенки и шубу. И тут неожиданно вышел баянист и стал собираться вместе с ней

– Я провожу.

– Не-не-не, – испуганно запротестовала она. – Не надо. Останься.

Он одевался и ее не слушал. Она не знала, что делать.

Заглянула в комнату, показала знаками химичке, что, мол, баянист уходит. Держи его.

А Петрович, уже одетый, тоже заглянул, попрощаться.

Таись Матвевна осуждающе покачала головой: «А еще романтические песни поет! Ведь договаривались же!..»

Тоська прижала руки к груди: «Ну что? Может, мне остаться?»

– Иди уж, – махнула на нее рукой химичка, – давай, идите. Ну вас!

Тоська виновато попрощалась со всеми.

Любаня кружилась в вальсе с физруком, но всё видела: «И здесь своя Оксанка нашлась! Куда только от таких деться?»

– Иди, иди... – миролюбиво повторила химичка, – а мы еще посидим...

Они ушли. И пошли гулять. Низко висела огромная луна, ярко освещая снежную дорогу.

Они шли, молчали, слушали скрип снега под ногами. Тоська пыталась оценить происшедшее: предательство это с ее стороны или нет. А он, как будто чувствуя и понимая ее состояние, но не разделяя его, поглядывал на нее и улыбался.

– Понравилась тебе наша деревенская вечеринка?

– Конечно, очень вкусная и веселая!

– А наш самодеятельный концерт?

– И концерт!

– А артистка? – помня восторг вредного Вольдемарта, ревниво спросила Тоська.

– Тоже, – ответил он и, улыбаясь, сказал то, что она хотела услышать: – А ее выступление... Ну что? Обыкновенное!

– Ну знаешь, как говорят, победителей не судят, – приободрилась Тоська, – а она на фоне всей деревни – победитель! Победительница! Ну подумай – живет самостоятельно, в большом городе, у нее есть работа и шарм артистки, воздушной акробатки, пусть и самодеятельной. И о ней пишет и печатает ее фотографии фабричная многотиражка. А один раз даже областная газета. Это же успех и победа! Ведь так?

– Эх, Тоня! – он приобнял ее за плечи. – Молодая ты еще! И глупенькая! Не обижайся. Победа и успех в этой жизни определяется не этим!

– А чем же?

– Победа и успех у ее младшей сестры Галы! У нее есть муж. Пусть плохонький, хотя на это как посмотреть, зато свой! И Гала – мать. А этот шарм не сравним ни с каким шармом артистки, хоть и воздушной акробатки, который уже совсем скоро останется в прошлом, – помолчал и добавил: – Вот я. Всё лауреатствовал, ничего больше знать не хотел. А сломал руку – и всё. Только и гожусь в деревне на баяне играть.

Тоська участливо посмотрела на него.

– Только не надо меня жалеть! Ладно? Это всё в прошлом! – предупредил он и продолжил: – Как перестал целыми днями играть, оказалось, что, кроме музыки, в этой жизни есть много интересного! Хотя бы та же охота!

Помолчали. Потом он неожиданно сказал:

– Я завтра на охоту иду. Пойдем со мной?

Тоська молчала. Порядочно ли это по отношению к химичке?

Он улыбнулся, как будто прочитал ее мысли, и спросил еще раз:

– Ну так что? Пойдем? Я прошу.

– А Лидия Кузьминична тебе понравилась?

– Это какая? В белой кофточке? Полная?

– Нет, в синем платье. Худая. Ты с ней танго танцевал.

– А, хорошая женщина. Здесь все хорошие. Так как, пойдем?

– Пойдем.

– Я зайду за тобой утром.

Назавтра был чудесный морозный день! Они шли к лесу по накатанной санями и машинами дороге и издали любовались им. Казалось, что березки окутаны клубками белого искрящегося мохера, временами вдруг становящегося розовым. А мощные мохнатые ели под пронзительными лучами белого солнца спокойно удерживали охапки снега на своих лапах.

В лесу в тени деревьев снег казался голубым. В морозном воздухе искрились снежинки. Они бродили по глубоким сугробам, любовались красотой вокруг, тянули вниз лапы елей, и с них, как с крыши, обрушивались груды снега, а с нежных березок, если легко тронуть ветви, слетали легкие хлопья, рассыпающиеся в воздухе на искры снежинок...

Они водили хороводы вокруг деревьев, прыгали как зайцы, забыв про ружье и охоту. Окружающая красота переполняла счастьем жизни, ощущением здоровья, силы, собственной молодости и красоты. И бесконечности жизни. Казалось, это никогда не пройдет. Они целовались, смеялись, бросались друг в друга снегом, кричали глупости. Им было хорошо. Они были счастливы вдвоем!

Ничего не добыв, выбрались из леса, возвращались домой. Шли по дороге.

– Ой! Смотри! Вон там, видишь? На осинке! Дятел в красной шапочке и красном фартучке! – обрадовалась она. – Смотри, сидит и стучит носом. Аккуратненький такой, работающий! Чудо какое!

И вдруг за ее спиной хлопнул выстрел. Дятел упал в снег.

– Ну вот, хоть какой-то трофей. А то ты еще подумаешь, что я стрелять не умею.

Она повернулась к нему, в ужасе глядя на его самодовольную глупую улыбку и горделивую позу охотника, только что завалившего дикого зверя, а не маленького беззащитного дятла.

– Это ты?! Зачем?! Зачем ты это сделал?! Это же дятел! На них же не охотятся! Ты что? Какой же ты дурак! Дурак! Дурак несчастный! Убийца! И вся твоя философия, охотник хренов, про победы ничего после этого не стоит! Видеть тебя больше не хочу!

Она заплакала и побежала вперед по дороге.

А он растерянно шел сзади, и ему нечего было сказать. Все про него она уже сказала. Было стыдно и плохо.

На следующий день Лидия Кузьминична зашла в магазин. Около прилавка стоял пьяненький дед и в который раз рассказывал:

– Пришел злющий. «Есть, дед, чо выпить?» Я к Раиске, за самогоновкой. Денег-то он дал. Седа тихой. А тут выпил сразу цельный стакан и – хрясь табуретовкой по полу. Табуретовка – вдрызг! Я ему: «Ты чо делаешь? Табуретовку сломал!» А он мне грит: «Дед, у меня жисть сломата, а ты – про табуретовку! Дурак, грит, я, ох и дурак! И за голову себя хватать, вот так! – показывал дед. – У его плант какой-то на жисть был. Чо-то у его не сладилось. От ведь... – он сокрушенно покачал головой. – А сѣдни по утрянке и уехал.

В очереди слушали с интересом. Деревенские успели полюбить баяниста. Жалея, кивали головами: «Вот ведь как в жисти бывает!..» Таисия Матвевна понимающе усмехнулась: «Как Антонида Екимовна там пела? «Всѣ померкло, прошло... Голоса панихиды...»? А не надо, Юрий Петрович, с романтичками связываться! С Лидой бы ты табуретки не ломал!»

Лидия Кузьминична увидела зачарованно слушающую Любаню. Та поймала ее взгляд, подошла к ней.

– Это он из-за меня, Лида! И ушел с гулянки из-за моего танца с физруком! Я знаю, – уверенно сказала Любаня. Она уже поверила в реальность своей любовной истории с таким пронзительным концом. Как в «Девчатах»... Рыбников – хрясь часами об пол, да еще каблучком... Это любовь! Она приедет и расскажет Оксанке. Та скажет с восхищением: «Любань! Как в кино!»

– Ну что ж делать! Бывает... – улыбнулась Лидия Кузьминична, купила хлеба и пошла к выходу.

– А за сломатую табуретовку-то он денег дал. Купи, грит, дед, новую. Это – да. Брехать не буду. И на опохмелку дал. Хороший мужик.

2. Роза вуду

Тоська проснулась затемно. Захотелось пить. Она потихоньку, чтобы не разбудить девчонков, выбралась из-под теплого одеяла и на цыпочках прошла на кухню. Бр-р-р... Холодина... Печка за ночь остыла.

Она зачерпнула воды из ведра. Сделала несколько холодных глотков. Подошла к окну. Шел сильный снег. Не уютный, а нервный, с ветром, который швырял его в беспорядке. Единственный фонарь на столбе мотало из стороны в сторону, и освещенное пятно на снегу металось за ним.

От холода и нервозности ее передернуло, и она поспешила в постель. Шмыгнула под одеяло, сохранившее остатки ее тепла. Свернулась клубочком, подоткнула себя одеялом со всех сторон.

Сон прошел. От ветреной погоды на душе стало беспокойно, одиноко, грустно.

Вспомнила Юрия Петровича. Как глупо всё получилось... Шмыгнула носом. Промелькнула перед повлажневшими глазами его улыбка, лицо, смеющиеся глаза, красивые руки на баяне...

Вспомнилась их прогулка. Дятел на снегу...

Может, не надо было так? Ну поругала бы... Он же не злодей какой! И всё было бы хорошо. Нет, не было бы... Как у Булгакова? Левий Матвей отказался от службы у Понтия Пилата. Как Левий Матвей сказал? «Ты будешь меня бояться... Тебе нелегко будет смотреть мне в глаза, после того как ты его убил...»

Кажется, так.

И Петрович тоже это понял и потому уехал. Этот выстрел никуда бы от нас не ушел и стоял бы между нами всегда. И утяжелял бы любые возникающие разногласия. Даже если бы я и постаралась забыть, он бы, из-за меня не забыл...

Эту маленькую беззащитную живую игрушку на осине...

Картонного дятла на новогодней елке в детстве...

В детстве... Новый Год. Мягкий стук в окно... Она бежит мимо наряженной елки. От воздушной волны сдуваются в сторону свисающие с колких веток серебряные нити «дождика», закручивается на нитке блестящий картонный «дятел». Она забирается на широкий подоконник, открывает форточку и взвизгивает от радости и восторга. На оконной решетке между форточными рамами лежит что-то волшебное. Тоська просовывает голову между прутьями решетки, высовывается в форточку, вертит головой, но от Деда Мороза – только глубокие следы на снегу.

«Надо же, гранат!» – восхищаются домашние.

Она видела гранат впервые. Лакированная шкурка была как на маминой старой кожаной сумочке. Шкурку осторожно снимали. Под ней, спеленатые белой пленкой, тесно прижимались друг к другу прозрачные рубиновые зернышки. Из зернышек она сначала выкладывала на кухонном столе бусы. Выдавленный сок слизывала языком. На худеньких, вымазанных соком пальчиках зернышки выглядели драгоценными камушками. И только потом собирала их в ладонку и губами осторожно забирала в рот, прижимала языком к нёбу, медленно высасывала кисловато-сладкий сок и перемалывала зубами белые косточки.

– А мне Дед Мороз принес гранат на Новый год! – похвалилась она соседу Витьке.

– А-а... Это мамка на работе достала. Твоя мать попросила.

– Неправда. Все дома были. Кто ж тогда в окно постучал и гранат положил?

– Да ты не заметила! Кто-то из твоих и подложил! Или попросили кого! – небрежно разъяснил материалист Витька и по-взрослому цыкнул в сторону слюной сквозь зубы.

Витькина мать работала буфетчицей в ресторане на железнодорожном вокзале и могла достать всё или почти всё, что одно и то же. Такое доставала, что Тоська и до сих пор так и не попробовала. Однажды на кухне у Витьки она увидела стеклянную банку необычной формы, которая была плотно набита зелеными виноградинами, и из каждой уголкем торчало что-то белое.

– Это, как его... оливы, – объяснил Витька, – а в них орехи засунули.

– Вкусные?

– Не-а... Так... Кислые...

Когда начались перебои с хлебом и стояния в длинных очередях, Тоська с Витькой бегали вечером на вокзал, в ресторан. Витькина мать встречала их у служебного входа.

Вела в подсобку. Так она называла комнатку, где официантки переодевались. Тоська разглядывала белую кружевную наколку, прямо стоящую на ее желтых кудряшках, и кокетливый передничек, узорчатым углом воздушно примостившийся на высокой груди, и не могла понять, как вся эта красота держится и не падает? Витькина мать сама была теплая и пышная, как булки, которые она давала им. Витька клал батон за пазуху, мать приказывала: «А то какие-нибудь хмыри отберут, когда через пути побежите». Тоська тоже запихивала батон под кофточку. Получалась грудь, как у взрослой. Витька искоса поглядывал и хмыкал. Потом они бежали, взявшись за руки, через железнодорожные пути, в темноте опасаясь хмырей. Батон болтался уже где-то на животе, как грудь у соседской бабки Чуфистовой. Дома Тоська выкладывала добычу на стол. Батон был еще горячий, отпотевший и хранил тепло ее детского тела.

И земля была велика и обильна. И всё на ней было в порядке...

Тоська крепко спала, завернувшись в одеяло с головой. Девчонки уже встали, затопили печь. Готовили завтрак. Собирались в школу. Тоське надо было идти к третьему уроку, можно поспать подольше.

– Мы ушли! Не проспай! И дров подложи! – разбудили ее девчонки перед уходом.

– За водой сходи! – уже из дверей крикнула Валь Санна.

– Угу! Уже встаю! – она высунула голову из-под одеяла. В избе было тепло. Уютно потрескивали дрова в печке. За окном спокойно падал снег. Она потянулась, полежала с закрытыми глазами, сладко подремывая, пытаясь удержать и сложить в цельную картину ускользавшие сновидения, но не получалось: висел на елке только картонный дятел. Крутился на нитке, как и обрывки ее мыслей...

– Уж замуж невтерпех... А роза упала на лапу Азора... На дворе трава, а на траве – дрова... Я послал тебе черную розу в бокале... черную розу в бокале... Интересно, зачем послал и почему черную? – спросила себя, и вдруг ясно, как бывает со сна, возник ответ: а затем, чтобы приворожить прекрасную Незнакомку. Черная роза – это не что иное, как приворотная Роза! Как кукла вуду! В розу даже иголки втыкать не надо – сама шипастая! А золотое Аи – для усиления любовного приворота! Символы, символы...

Тоська окончательно проснулась, вскочила с кровати, развела руки в стороны, помахала ими, накинула халат, напевая, протанцевала до умывальника, умылась остатками воды из настенного рукомойника, надела ватник, на голову – мамин пуховый платок, сунула ноги в валенки, взяла ведро и вышла на крыльцо. Глубоко вдохнула морозный воздух.

Огляделась.

Везде топились печи, шел дымок из труб и пахло хлебом. Сказка! Тоське стало радостно от окружающей ее красоты, которая сулила непременно счастье! Она засмеялась и, помахивая пустым ведром и пританцовывая, побежала по уже протоптанной в снегу дорожке к колодцу.

Вернувшись в избу, поставила ведро с водой на табуретку в углу, зачерпнула воду ковшиком и наполнила рукомойник. Подложила дрова в печку. Подождала, пока огонь, с треском запрыгав по толстой коре, обхватил поленья, и закрыла дверцу. Налила горячего чаю. Стоя попила с остатками печенья. Наскоро ополоснула чашку и принялась за работу.

Достала черную креповую бумагу, ножницы. Села за стол, отрезала полоску бумаги, свернула ее, нарезала на листочки, скрутила каждый с одного конца, надавила для выпуклости с другого и собрала листочки в бутон. Закрепила провололочкой и посадила на провололочный стебелек, который плотно обернула и оклеила черной бумагой.

Вспомнила, как давно, еще в школе, в младших классах, они делали бумажные цветы и прикрепляли их на ветки березы. Ветки срезали заранее и ставили дома в воду. Клейкие листочки появлялись не к середине мая, как положено в природе, а в апреле. Они несли на Первомайской демонстрации этот цветущий сад и громко скандировали: «Мы знаем – город будет. Мы знаем – саду цвести! Когда такие люди в стране советской есть!»

И кричали: «Ур-р-ра!»

Вырезала чашелистики. Про чашелистики она прочитала в книге «Занимательная ботаника» А.В. Цингера. Книжка домашняя и уютная, изданная в 50-х годах. Такие книжки в детстве она брала в городской библиотеке. «Непритязательные беседы любителя». Там был стишок-загадка про чашелистики у розы:

Постарайся угадать,
Кто такие братьев пять:
Двое бородаты,
Двое безбороды,
А последний, пятый,
Выглядит уродом:
Только справа борода,
Слева нету ни следа.

Природа мудро создала приспособления для цветка, еще прячущегося в бутоне. Пять каемок закрывали пять щелей, и бутон был защищен. «Ах, если бы так можно было спрятаться от грубой жизни!» – подумала Тоська и прикрепила чашелистики к основанию розы. Расправила.

Получилась черная роза Блока. Приворот был готов.

Любуясь, она подняла руку с розой вверх. И внезапно у нее загорелись уши, а в ее воображении тут же возникла картина... вот у кого-то они тоже загорелись, и он с непониманием потер их и посмотрел на небо. А оттуда уже тянется... тянется от нее нить космической связи... И никуда ему не деться! Прошла нить сквозь него, зацепилась внутри за сердечную мышцу, сладко заныло сердце и потянуло его к ней, к неведомой... Открывай двери, встречай! Или выходи на лунную дорогу. Вон он идет по снегу, отбрасывая длинную тень и удивленно озираясь вокруг. Неведомая сила ведет его к ней...

«По ушам моим узнает меня...» – засмеялась Тоська и поставила приворотную Розу в бокал. Еще нужно было золотое Аи – для усиления приворота! Тоська представила, как придет в сельмаг и спросит у продавщицы Пани в капроновой косынке на голове:

– Паня, тебе Аи сегодня не завозили?

– Не-е... – лениво ответит она. – Завезли шипучку Клико и Моэту. Брать будешь?

– Нет, «...изменяет пеной шумной оно желудку моему!» – поморщится Тоська.

– Так Аи – та же шипучка! – удивится Паня, поправит косынку и, подняв глаза к потолку, вспомнит: «Аи любовнице подобен / Блестящей, ветреной, живой, / И своенравной, и пустой...»

– Мне, Пань, не для питья! Мне – для усиления эффекта привораживания!

– А, так сразу бы и сказала, что для привораживания! Для энтота дела – лучше всего самогонка! К Райске за ей ступай!

«Я послал тебе черную розу в бокале,
как слеза росы самогона от Раи!» – веселилась Тоська.

Только не будешь же постоянно с собой бутылку самогонки в сумке таскать! Нужно что-то другое. Например, красивое платье! Оно действует сильнее самогонки. Нужно будет придумать его и сшить. Швейная машинка есть у Валь Санны.

Тоська достала из тумбочки полузаграничный таллинский журнал мод «Силуэт», привезенный ею с Большой земли, улеглась на кровать, удобно подоткнув под голову подушки, свою и девчонок, и стала перелистывать страницы, разглядывая и прикидывая фасон платья, подходящий для усиления привороты. Ничего подходящего не находилось... А ведь еще нужен объект любви. Кого привораживать-то?

Она отложила журнал, встала с кровати и подошла к окну.

На улице светило солнце. Снег больше не шел. Вид был – как на картинке из детства. Правда, на картинке еще скакал на коне жизнерадостный, румяный молодец. Он олицетворял мужской идеал. Она засмеялась. Отошла от окна и стала собираться на уроки. В детстве о таких молодцах можно было только мечтать!

В младших классах школы в нее влюблялись хулиганы из шахтерского поселка. Биби-ковская шпана. Тоська их боялась. Неразвитые физически, недокормленные, поодиночке они были трусливы. Но их остерегались, подчинялись им, старались не связываться. А уж оказать внимание девочке, которая кому-то из них нравится! Это было опасно! Могли сильно избить.

Были у них и лидеры. Их боялись по-настоящему.

Тоська запомнила фамилию одного. Баландин. Мелкий, худой, в дешевом, растянутом на шее свитере и вытянутых трикотажных шароварах, с обманно расслабленной мускулатурой и равнодушным взглядом. Была недетская дерзость и жестокость в его прозрачных глазах, а в расслабленном теле – сжатая пружина. Чувствовалась в нем непонятная внутренняя сила, которая вызывала не уважение, не интерес, а страх и желание подчиниться.

Для домашней, романтичной Тоськи это был другой, непонятный ей мир со своими неправильными жестокими правилами и несправедливыми порядками. Он существовал и затрагивал ее, а она не знала, как себя вести в этом мире, как отгородиться от него и как от него убежать. Что можно ему противопоставить, чтобы не покориться, не быть в его власти?

Тогда всё решилось просто. После седьмого класса биби-ковские ушли в ПТУ.

В институте она, молодая красивая девушка, также не смогла сама сделать свой выбор. Просто не успевала. В нее влюблялись и начинали ухаживать раньше, чем она могла определить свои чувства. Писали стихи: «...Счастье б тебе дарить и отводить все беды... Только я для тебя никто, просто не существую...» Это трогало, волновало. Но не более того. Иногда смешило: «...не смейся, не надо, на мои откровенья души...»

Теперь она – взрослый человек. Уже работает, сама других учит и может выбирать. Кого? Объект любви она представляла себе смутно: мужественный, с приятным мужским запахом. От его взгляда, голоса и прикосновения будет кружиться и теряться голова. «Такой, как Петрович...» – грустно подумала она.

Но такие в деревне не водились.

Есть еще один человек. Он отличался от других ее ухажеров. Удивлял его безукоризненный художественный вкус. И ухаживал он за ней, не как другие: приносил ей книги, открывая для нее новых авторов, доставал билеты в филармонию на концерты известных музыкантов, водил на фильмы любимых режиссеров... С ним было интересно. Только почему она чувствовала себя с ним одинокой?

Цурэн Гениальный. Она стала называть его так после того, как он дописал сонет Стругацких «Как лист увядший падает на душу...»

Как лист увядший падает на душу,
Так милый образ твой
В тот миг, когда воспоминанья душат,
Таинственный покров приподымает свой.

Так лес осенний, золотой наряд свой сбросив,
Нам открывается и пуст, и сер, но мил,
И каждый лист, упав на землю, просит,
Чтоб ты его, как золото, хранил.

Лес отгорел, и листья все опали,
Укрылось золото в подземных кладовых,
И мертвый лист, что, падая, задел меня, едва ли
Я отыщу средь множества живых...

И пусть земля хранит свой клад бесценный,
Я сохраню в стихах твой образ драгоценный.
Б.Б.

Да, он был и остается другом. Сейчас он служит срочную где-то на Урале. И они переписываются. Она его не привороживала. Он как-то приворожился сам. Он – хороший, добрый друг.

– Но не более того... – еще раз уверила она себя. Оделась, поправила перед зеркалом челку, придала лицу строгое, учительское выражение и отправилась в школу.

Урок еще не закончился. В коридоре было тихо.

В учительской за столом сидела, нервно перелистывая учебник, историчка Римма Яковлевна с пятнами малинового румянца на щеках. Верный признак, что что-то случилось или случится.

– Директор сегодня на урок ко мне обещал пожаловать, – пытаюсь саркастически улыбнуться, сообщила она. Вместо улыбки получилась гримаса.

Римме Яковлевне не повезло с предметом.

Директор был учителем географии, но считал себя знатоком истории, особенно современной, которую он понимал как политику, в которой он в силу своей должности, безусловно, разбирался. Он требовал от Риммы высокого идейно-политического уровня изложения материала, без субъективизма! Какой субъективизм? Она и так ни на шаг от учебника не отходит! Римма не могла понять, что директор от нее хочет, отчаянно боялась его посещений и завидовала учителям, преподающим другие предметы. Владимир Трофимыч был не силен в точных науках, в языках, в литературе...

Тоська помнила, как однажды на уроке в присутствии директора, она, заговорившись, назвала Салтыкова-Щедрина крепостным писателем. Замечание по уроку было одно: «Вот хорошо вы, Антонида Екимовна про этого писателя, как его... Евграфыча... сказали, что он из бедных, из крепостных, но выбился в люди. Только надо было упор на этом сделать! Больше внимания к его бедности!»

– Римма Яковлевна, а вы рассказывайте не про современную историю, а про какой-нибудь век пятнадцатый. В средних веках никто не силен! Особенно в их идейно-политическом уровне!

– Ну как же... Ведь по программе, по программе же надо... – Римма обреченно уставилась в учебник.

Тоська жалостливо вздохнула, открыла портфель, достала тетрадь с конспектом урока. В глубине портфеля синела обложкой книга. «Анна Каренина». Как-то под настроение ей вдруг захотелось перечитать. Перечитала, а вернуть в библиотеку всё забывала.

Она полистала конспект...

Темой урока была статья В.И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Сложная тема. Тоська готовилась к ней по учебной методичке. Историчка с шумом перелистнула страницу. Тоська оглянулась на нее и взялась за конспект.

Тишину разорвал громкий звонок. Перемена.

Вслед за звонком – чудовищный грохот топчущих ног (куда можно так бежать?), дикие визги и вопли...

Римма Яковлевна, уткнувшись в учебник, закрыла уши обеими руками.

В учительскую потянулись усталые учителя с журналами, указками, стопками тетрадей. И каждый со своими заботами...

Прозвенел звонок с перемены. И Тоська, захватив журнал девятого класса, в котором она вела классное руководство, пошла на урок. В единственном девятом классе учились одни девочки. Мальчики, окончив восьмилетку, поехали в район учиться на трактористов.

На уроке все сидели тихо. Но слушали невнимательно. Даже про такую, казалось, близкую им «крестьянскую мечту – жить по справедливости, своим трудом», слушали без интереса. А многие и не слушали. Просто терпеливо ждали, когда Антонида Екимовна отговорит.

– Писатель Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России... – отговорила она и вдруг спросила:

– А вот скажите, кто из вас слышал, как в лесу весной растет трава?

– А разве это можно услышать?

– Толстой услышал и описал это.

Тоська открыла «Анну Каренину», нашла нужный текст и стала читать вслух.

«В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таянья земли и от росту трав. «Каково! Слышно и видно, как трава растет!» – сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы...»

Потом она прочитала дальше описание охоты. Все сидели так же тихо, но слушали уже с интересом. Лица оживились. Весенний лес, охота – всё это было близко и понятно им.

– А где это он так всё про охоту написал?

– Это в романе «Анна Каренина». Но роман – не про охоту.

– Антонида Екимовна, а вы кого боле жалеете: Анну или ее мужа? – вдруг спросила рыжая Маня.

Все удивленно уставились на нее.

– Маня, а ты что, читала «Анну Каренину»? – справляясь с удивлением, спросила учительница.

– Читала, – смутилась Маня. – Еще в прошлом году. Мамка в клубе, в библиотеке брала. В ней – про любовь!

– Не только, в ней и про общественную жизнь... – даже растерялась Антонида Акимовна и от растерянности задала глупый вопрос:

– Ну и как тебе? Поняла что-нибудь?

– Всё поняла. Так кого вам жалче?

– Ну Анну жалко. И мужа тоже. И сына. Всех жалко.

– А Вронского?

– А чего его жалеть?

– А мамка сказала, что его пожалеть тоже надо! И еще сказала, что всё это несчастье из-за того получилось, что Анна не по любви замуж за Каренина вышла. Без любви замуж никак нельзя!

– Да? – глупо переспросила учительница.

– Да, – по-взрослому кивнула Маня. – Я тоже так думаю.

Класс с интересом слушал. Потом все разом заговорили.

– А Татьяна Ларина? За старого пошла!

– Она его уважала! Он – генерал. Он сражался и был изувечен! И он ее любил!

– Это раньше: богатый – на богатой, бедный – на бедной!

– За богатством шли. Теперь не так... – продолжали делиться ученицы житейской мудростью.

– А как?

– Теперь по любви. Все равны. Вот как!

– Чо тогда разводятся?

– Значит, ошиблись: не любовь была...

– А какая она любовь? Как понять, чтобы не ошибиться? А? Антонид Екимовна? – наконец класс обратил внимание на учительницу.

«Я не знаю!» – хотела честно сказать растерявшаяся Тоська, но глаза учениц ждали другого ответа, а ей, как назло, на ум приходили лишь поэтические строки. Красивые, образные, возвышенные – они не давали ответа на конкретный вопрос о любви. Опять выручил Лев Николаевич.

– Знаете, если обратиться к роману, то Анна Каренина говорит так:

«...если сколько голов – столько умов, то и сколько сердец – столько родов любви...» – процитировала она и продолжила: – Я думаю, надо воспитывать в себе любовь. Любовь, а не злость... Вы согласны?

Девочки неуверенно закивали. Маня не кивала, думала.

– А Кити тебе понравилась?

– Да.

– Чем?

– Как она на балу танцевала. Ее все приглашали танцевать. У нее было красивое платье. И бархатка... Это вот здесь, – Маня показала на шею. – Я бы тоже так хотела: в красивом платье, на балу! Ее веснушки запылали, потому что по классу пробежали легкие смешки.

– Да, платье у нее было красивое, – согласилась Антонида Екимовна и задумчиво продолжила, – тюлевое на розовом чехле...

– Из тюля, что на окнах? – живо поинтересовался кто-то.

– На окнах – не для платьев! – поторопилась она сказать, увидев в глазах учениц уже практический интерес и, чтобы отвести их мысли от платья из тюля на окнах, обратилась к Мане: – А платье у Анны на балу тебе понравилось? Оно, ведь, тоже очень красивое!

Маня неопределенно пожала плечами, упрямо пробормотав:

– Мне у Кити, розовое...

«Как на Маню подействовала толстовская бело-розовая гамма платья! У Наташи Ростовой, ведь, тоже было белое дымковое платье на розовом чехле! И Варенька – в белом платье с розовым поясом...» – вспомнила Тоська, Прозвенел звонок. Урок закончился. Закрывая журнал и собирая свои вещи со стола, она украдкой оглядела учениц: оставили ли они мысли о тюле на окнах? А то ведь снимают, соорудят себе из них платья! Но девчонки говорили уже о другом – только у Мани всё еще пылали веснушки. «Прощай, тюлевая занавеска!»

«Мне образ юных дебютанток уже не подойдет! Мне, скорее, как у Анны!» – думала Тоська, идя из класса в учительскую.

Там директор разбирал урок исторички: «...и без субъективизма... Без субъективизма, Римма Яковлевна...»

Тоська подседа за стол к Василисе.

– Мне черный бархат нужен. Не знаешь, где можно достать? – тихо спросила у нее.

– Так в сельпо! Посылка из Посылторга пришла. Паня заказывала клеенку, а вместо нее прислали штуку бархата.

У Василисы мать работала в Посылторге. По части товаров Васька, как называли ее подруги, знала всё и в разговоре деловито сыпала торговыми терминами: «ящик бутылочного пива», «штука ткани», «горшечные растения», «бочковые огурцы»... «Затоваренной бочкотары» – не было.

– А тебе зачем? – с интересом прищурилась она.

– Платье хочу себе сшить.

– Пошить платье? – удивленно, как ученицы на Маню, посмотрела на нее.

– Да.

– Ну как сошьешь, зови смотреть! И поспеши, а то Паня собирается бархат назад отправлять! Здесь он никому не нужен!

Уроки закончились, и Тоська по пути домой зашла в сельмаг: «Аи не завозили?..»

Вечером она уже сидела за шитьем романтического платья из черного бархата, как у Анны Карениной на балу. Вместо венецианского гипюра обшила платье кружевами, которые спорола со своей импортной кофточки. Вместо нитки жемчуга (откуда?) сшила аккуратную бархатку. На третий вечер платье было готово! Тоська надела его, пробежала пальцами по кружевам. Вытянулась, подобралась в гордой позе. Бархатка красиво обхватила стройную шею.

– У Кити только бархатка прелесть? А у меня и всё остальное – прелесть! И сама я – прелесть!

Довольная, она закружилась перед девчонками: «Что за прелесть эта Тоня! Хороша, голосиста, молода!...»

И процитировала по памяти: «Она возвратилась к своему любимому состоянию любви к себе и восхищению собой!»

– Как ты про себя!

– Это не я! Это Толстой! И не про меня! А вообще про женщин!

– Интересно, откуда он только про эти женские чудачества знал? Это же не про войну или охоту писать!

– Да и про платья тоже!

– А он описание нарядов жене поручал. Писал на полях рукописи «Соня, одень их!» Давал жене установку: цвета бело-розовые и черные с лиловым! И – вперед! Она переписывала рукопись и одевала.

На следующий день посмотреть на платье пришли Полина с Василисой. Тоська снова с удовольствием надела новое платье, туфли и продефилировала по комнате походкой манекенщицы. Повернулась и замерла в позе из журнала мод: рука – на бедре, нога – в сторону, голова вполоборота, загадочная улыбка...

Непосредственная Полина аж взвизгнула: «Ой, Тонечка! Как здорово!»

Василиса деловито пощупала бархат:

– Хлопковый, смесовой...

В сенцах застучали ногами, обтряхивая валенки от снега. Пришли Таня с Валь Санной.

– Ставьте чайник, мы пирожки принесли! – закричали с порога.

– Где взяли?

– Угостили! Чаю с ними попьем.

– Какой у вас чай? Черный байховый? – уточнила Васька.

– Он, родимый. Третий сорт.

– Рассыпной неликвид! – определила она.

– Чай – неликвид! Зато пирожки – ликвид в один момент!

Девчонки засуетились, поставили чайник, достали чашки. Румяные пирожки из газетного кулька прошуршали в плетеную хлебницу. Заварили чай и уселись за стол, впятером, по – домашнему. Под уютным кремовым абажуром Петровича.

– Ой, девчонки, сегодня смешно было! – жуя пирожок и прихлебывая чай, начала рассказывать Васька. – На уроке развивала воображение у своих оболтусов. Всё делала, как написано в методичке для начальных классов. «Дети, – говорю я, – слушаем тишину. Все сидим тихо и слушаем звуки тишины!»

Все сидят, головой вертят, сопят, прислушиваются, сопли подтягивают...

– Ну, кто что услышал? – спрашиваю. Сама жду от них ответов про шорох падающего снега, звонкую тишину там... Сама не знаю чего... Ну как в методичке написано.

Молчат. Потом сплетница Симка, вся в мать, руку тянет. Радостно так.

– Я услышала!

– Молодец, Сима! Рассказывай! Какие звуки тишины ты услышала?

– Услышала, как директор с уборщицей из-за халата ругается.

Тут все наперебой:

– Ага. Мы тоже услышали. Уборщица дома его одиёт. И снашивает.

– А директор не напасется на нее!

Симка громче всех орет: «А вот моя мамка чо рассказала...» У меня аж голова кругом пошла.

– А в методичке что в таких случаях рекомендуют делать?

– В методичке уборщица с халатом не предусмотрена!

– А интересно, что Симкина мать рассказала? Она всегда всё знает. Ты хоть послушала?

– А как же! – Васька сама любила посплетничать. – Она про баяниста рассказала. Оказывается, у него любовь с акробаткой Любаней намечалась.

– А он-то об этом знал?

– А то! Звал ее с собой в Новосибирск! Или, говорит, если хочешь, здесь с тобой останусь.

Только скажи!

– А она что?

– А она ему отказала.

– Это почему же? Такому красивому мужчине?

– У нее, оказывается, жених в городе остался. И она Петровичу сказала: «Я не могу так, с двумя сразу! Я – не такая!»

– Ну надо же! А Петрович что же?

– Он сначала, чтоб она приревновала, за училками приударил! А она – нет, всё равно, говорит, к жениху поеду. Я, мол, другому отдана... Тут наш Петрович с горя и напился, всё у деда поломал, чуть самого не убил и уехал. Вот так.

– Как в кино! – засмеялась Валь Санна. – Ох, уж эта Любаня! Правильно Вольдемарт сказал – настоящая артистка!

– А мужики говорили, что охота неудачная была. Вот и уехал, потому что никого не подстрелил!

– А может, потому что подстрелил? – сказала Тоська.

Девчонки с интересом посмотрели на нее, ожидая продолжения. Но она только пожала плечами: а, может, так оно и есть, как сказала Любаня? Подружки переглянулись, а деликатная Полина тряхнула кудрями (она каждый вечер накручивала волосы на бигуди для прически в школу), огляделась, на что бы перевести разговор, и увидела черную Розу в бокале.

– Ой, какая красота! – она встала, пальцем осторожно потрогала ее лепестки и неожиданно спросила:

– Тоня, а ты где Новый год встречаешь?

– Здесь, наверное. Одна. Девчонки уезжают.

– И что делать будешь?

– Елку в лесу наряжу! Хороводы с зайцами буду водить!

– А с волками не хочешь?

– Можно и с ними! В разношерстной компании всё веселее!

– В клубе танцы будут на Новый год! Из Посылторга посылка пришла с модными пластинками! Песни в исполнении артистов социалистических стран! Югославский певец Ивица Шерфези «Лолу» поет! – сообщила всезнающая Василиса. – Потвистуешь в новом платье...

– С кем? С Пронькиным или дядь Лёней?

– С Вольдемартом!

– У него, случайно, уши недавно не горели? – изобразив серьезную раздумчивость, Тоська даже поднесла палец ко лбу.

– Какие уши? Почему? Ты про что? – удивились девчонки. А чуткая Полина спросила:

– А у кого-то должны были гореть уши?

– Если верить магии, то – обязательно!

Девчонки опять не поняли, а Полина что-то поняла и сказала:

– Поехали со мной в Новосибирск! Я на Новый год домой еду. Покажу тебе город, погуляем! Хочешь?

– Очень!

Конца декабря Тоська ждала как начала чего-то нового. Ждала, что вот они поедут... Сумка давно уже была собрана.

Роза лежала вместе с бархатным платьем.

По эффективности магии она была сродни пятаку, подложенному студентом под пятку на экзамене. Пятак связывался с некоей магической силой, которая должна обязательно помочь на экзамене – ну, там, чтобы билет полегче, чтобы у педагога настроение лучше... А знать предмет – это уж сама! Вот и сейчас, казалось, роза уже готовит какие-то связи с незнакомыми людьми, а дальше, как и с пятаком – уже сама!

Билеты на самолет в Новосибирск и обратно были куплены заранее. Назад Тоська улетала раньше Полины: не хотелось злоупотреблять ее гостеприимством.

Ранним зимним утром деревенский шофер вез их на грузовичке в аэропорт, в Сибирское. Шофера звали Платон. Его родители были учителями истории. Философом он не стал. Уже есть один с таким именем. А вот шофера с именем Платон нет – он один такой!

Полина с Тоськой вдвоем сидели на пассажирском месте. Платон, как всегда, молчал. Молчали и училки. Каждый думал о своем.

Тоська смотрела на бежавшую под колеса зимнюю дорогу, на нескончаемый снежный лес. Белая картина снаружи и тепло кабины внутри усыпляли и погружали то ли в сон, то ли в воспоминания...

...К концу последнего курса в институте поползли слухи, что распределять их факультет будут в Армению.

– Это правда? – спросили у декана на лекции. Он подтвердил. Тоську это развеселило. Недавно она посмотрела фильм «Не горюй!». Театральная жизнь кавказских людей, которую она увидела в фильме, понравилась ей своей безыскусностью.

Она ловко начеркала на листочке армяно-грузина (в то время она не видела никакой разницы между ними) с большим носом, в кепке-аэродроме, торгующего дынями вместе с русской красавицей, и подвинула листочек соседке, старосте группы, серьезной и некрасивой девице. Та в это время отмечала в журнале присутствующих на лекции, зорко оглядывая аудиторию. Несмотря на серьезность дела, она фыркнула, и почеркушка последовала дальше, оживляя студентам нудную лекцию.

Такие почеркушки Тоське удавались лучше, чем зачеты по философии.

Но чего стоила вся эта философия по сравнению с ее молодостью и красотой? Это понимали и преподаватели-мужчины. И философски оценивали этот дар выше, чем ее знания. Экзамены, зачеты она сдавала без затруднений.

То, что красота – дар, стоящий многого, она поняла потом, но перестроиться так и не смогла. Главное – душа, внушали ей с детства. При красоте душа мешала. Ее душевную доброту люди принимали за хитрость.

И спустя много лет, посмотрев «Настю» своего любимого режиссера Данелии, она была ошеломлена его пронизательностью. И благодарна ему.

Но веселая, солнечная Армения не состоялась. В строгой, холодной Сибири выпускники их факультета оказались нужнее.

Чем ближе было окончание института, тем сильнее паника среди студенток. Выгодные замужества, рождение детей, болезни родителей должны были обеспечить дальнейшее благополучие их жизни. Благополучие же сулил им только город. И уж никак не Сибирь!

Тоську распределение не волновало. Город, где прошла студенческая жизнь, был уже не интересен для новой взрослой жизни, и оставаться в нем не хотелось, да и не было того, с кем хотелось бы благополучия здесь.

И она поехала в сибирскую деревню, которую по жребию (по ее просьбе) вытянула староста группы Клава. У нее была легкая рука. Когда на первом курсе в сентябре всех традиционно посылали на помощь колхозам, и на две параллельные группы пришли разные заявки: одна – «на картошку», другая – «на яблоки», то старосты групп тянули жребий. Клава вытянула «яблоки». И их группа всё теплое бабье лето провела в яблочном раю, собирая невероятно сочные, сладкие, с чуть кислинкой коричные яблоки, вдыхая их легкий аромат.

А вокруг осенний лес, озеро... Райское место... Недаром на противоположном берегу – дача первого секретаря обкома партии, отгороженная высоким забором от людских глаз! А в летнем кинотеатре показывают «Кавказскую пленницу». И, сидя на деревянной скамейке,

Тоська весело смеется над товарищем Сааховым, прохиндеем Джабраилом, смешной троицей... И главная героиня, такая же, как и она – студентка, комсомолка и, наконец, красавица поет песню про медведей. И влюбленный сокурсник говорит, что она похожа на главную героиню... Даже красивей ее! И Тоська опять смеется! Всё так радостно и беззаботно!

Легкая Клавина рука вытянула ей деревню Покровское. И она поехала.

Из Новосибирска, куда на поезде прибыли целой группой распределенные в Сибирь, Тоська уже одна добралась до райцентра. Отметилась в районо и стала ждать, когда за ней приедут из деревни, куда ее направила учительствовать Родина.

Приехавших отбывать в деревнях трудовую повинность было много. Все жили в местном клубе на раскладушках, как курортники на юге по дешевым путевкам, ели вкусные самодельные пельмени в местной столовой, торчали в книжном магазине, ходили смотреть кино в местный клуб.

Наконец из деревни приехали за Тоськой.

На стареньком грузовичке с откидными бортами.

Шофер был одет в ковбойку, старые брюки заправлены в резиновые сапоги. Возраст определить она затруднилась: тридцать, сорок? Симпатичный, большой.

«Настоящий сибиряк», – отметила она с удовольствием. Ее чемодан он закинул в кузов. Подождал, будет ли еще что-нибудь: кошелка или пакет с едой, что обычно берут с собой в дорогу. Оглядел ее худенькую фигурку в летнем платье, сумочку в руках и понял, что ничего такого не будет.

Сибирскую породу он подтвердил своей неразговорчивостью. За время поездки на ее вопросы он отзывался междометием «Ну». Какие чувства он выражал этим «ну», она так и не разобралась.

Они ехали по узкой дороге, проложенной среди леса. Тоська смотрела на бегущий по сторонам дороги лес. В красках начинающейся осени он был прекрасен! Внезапно шофер отъехал на обочину дороги, и остановился. Она вопросительно взглянула на него, но он, поглядывая в окно (ей показалось, что поглядывает на нее!), зашарил рукой под сиденьем и вытянул... ружье! «Он не шофер!» – пронеслась в голове страшная мысль.

– Вы чего? Вы зачем? – напряглась Тоська и на всякий случай взялась за ручку дверцы – чтобы, если что, распахнуть ее, выпрыгнуть и бежать... Но дальше произошло неожиданное...

Шофер молча выбрался из кабины, хлопнул дверью, перешел дорогу и вошел в лес.

– Эй, стойте! А я? Ничего не понимаю... Эй! Вы куда? Стой! – кричала она ему вслед. – Господи, что ж делать-то? Куда это он? Дикарь сибирский...

И вдруг грохнул выстрел! Совсем близко!

Она выскочила из машины и растерялась: вокруг лес, через дорогу мшистое болотце с зеленым тростником и торчащими шоколадными палочками.

В сторону болотца шофер и ушел.

Посмотрела наверх. Ясное голубое небо. Из космоса виден пестрый океан леса, тоненькая черточка дороги и на ней – маленькая точка. Это – она. Ее большие страхи не вмещались в эту точку. Ей стало спокойно.

Кровожадные сибирские комары загнали ее назад в кабину. Она выгнала их оттуда, злых и голодных, подняла стекла. И стала ждать.

Через некоторое время шофер появился, неторопливо подошел, забросил что-то в кузов. Запрятал под сиденье ружье, завел машину. Поехали.

Когда приехали в деревню, уже начинало темнеть.

Подъехали к какой-то избе. Остановились.

– Здесь, что ли, я буду жить?

– Ну...

Принес чемодан. Потом, пошарив в кузове, бросил что-то к ее ногам.

– Чирок... Повечеряешь... Костер запалишь? – наконец услышала она его голос. – Дрова там! – махнул большим пальцем через плечо.

– Ой, спасибо! – обрадовалась она его вниманию. – Костер? Смогу! Я вот знаете в походе...

– Колодец там! – мотнул он головой в другую сторону. – А чирка оципать?

– Что? А кто это?.. Да! Я всё могу! – Тоська уверенно махнула рукой.

Он усмехнулся, протянул ей ключ, коробку спичек и уехал.

Она подняла то, что он бросил. Это была утка.

Это ее он подстрелил. Она провела пальцами по перышкам. На них была кровь. «Зачем? Чтобы повечерять? Да я и есть-то не хочу, – сказала и тут же почувствовала, что голодна, – ну что ж, вечерять – так вечерять! Есть хочется!»

Пошла к избе, открыла ключом замок, вошла, поставила чемодан, огляделась. В сумраке белела печь. Упало и зазвенело ведро, о которое споткнулась. Больше никакой посуды она не обнаружила.

«Зажарю, как шашлык», – решила она и вышла на улицу. Насобирала щепок, взяла из поленицы несколько поленьев потоньше – для костра. Выбрала чурбан побольше, чтобы сидеть. Села, взяла утку, стала разглядывать.

– Как он сказал? Чирок? Почему чирок? Утка как утка... Попробовала выдернуть перышко и поняла, что вечерять ей не удастся...

Тоська улыбнулась своим воспоминаниям и искоса поглядела на Платона...

...Усмехнулся, протянул ей ключ, коробку спичек и уехал. Сегодня он вез человека с другой планеты. Дикая какая-то, тонконогая. Всего боится! Испугалась, думала грабить буду или еще чего... А чо там грабить! С одним чемоданишком! Даже чо исть с собой не взяла. Не озаботилась...

Он зашел к себе в дом, прошел на кухню, включил свет.

– Ты чего? – вышла сонная жена в ситцевой ночнушке.

– Да вот училку привез. Поисть ей...

– Сала возьми! С ледника.

– Да я чирка подстрелил. Похлебку приготовит. Юрка спит?

– Да, весь день гонял где-то... Еле домой загнала...

– Ну, иди ложись... Не жди... – он взял котелок, ложки, соль, лук, лаврушку, хлеб. Вернулся к избе, где во дворе задумчиво сидела та, с другой планеты, с чирком на коленях.

Запалил костер. И всё приготовил...

...Потом они вместе вечеряли во дворе, у костра. Был теплый августовский вечер. Дым от костра разгонял комаров. Тоська ела необыкновенно вкусное, чуть жестковатое темное мясо, пила ароматный бульон и, смеясь, рассказывала ему о своих сегодняшних страхах.

– Я же не поняла, зачем ты ружье взял, а потом в лес пошел...

– Ну...

И было всё безыскусно и театрально, чего ей так не хватало в ее прошлой жизни. И чего она так и не получит в будущей...

Подъехали к аэропорту.

– Спасибо, Платон!

– Ну... Как вернетесь, звоните в правление. Приеду.

Он уехал. Подруги вошли в здание аэропорта. Вместе с остальными пассажирами погрузились в самолет и полетели в Новосибирск.

Тоська летела навстречу своей судьбе. Она в это верила. Роза вуду лежала вместе с бархатным платьем в сумке.

В аэропорту Новосибирска Полину с Тоськой не встречали. Приезд Полины должен был быть сюрпризом для родителей!

Они ехали по городу в троллейбусе. Тоська разглядывала пассажиров.

Городская девушка в аккуратном сшитом по ней пальто с норковым воротником и в норковой шапочке сидела прямо перед ней. Свежее, румяное от мороза лицо ее было спокойно, как бывает у человека, уверенного в себе.

Сапожки были в тон пальто, сумочка, перчатки – тоже.

Тоська вспомнила, как на последнем курсе института поехала в Москву, отстояла очередь в ГУМе за импортными сапогами. «Выбросили» разных цветов. Но, когда подошла ее очередь, остались сапоги только рыжего цвета. Жаль было потерянного времени. И Тоська взяла. В тон к ним ничего из одежды у нее не было. Тогда она перекрасила свою любимую, вязанную розами шапочку в рыжий цвет. На улице это выглядело ансамблем. А в помещении она брала шапочку в руку и таким образом уравнивала рыжее пятно сапог. Цветовой ансамбль она чувствовала интуитивно. Было у нее врожденное чувство композиции и стиля. Другое дело, что составлять ансамбль было не из чего. В магазинах ничего хорошего для рядовых граждан не было. А она была из семьи рядовых – в смысле материального, не духовного. С духовным было всё в порядке. Мама переживала из-за своей непрактичности, старалась соответствовать деловитости соседкам и коллегам по добыванию дефицита. У нее это не получалось: заводить нужные знакомства она не умела.

Девушка напротив была не рядовой гражданкой. Она и вышла из троллейбуса в квартале красивых, парадных домов.

В таких кварталах были свои гастрономы, в которых отоваривались ухоженные интеллигентные женщины с гладкими полными лицами в норковых шапочках и солидные мужчины в каракулевых «пирожках». Они всегда были учтиво-вежливы, но требовательны к продавщицам в накрахмаленных, как у поваров, колпаках. Как-то Тоська, еще будучи студенткой, оказалась в подобном гастрономе и услышала разговор «пирожка» с «норкой». Речь шла о шкурке дефицитного окорока, которую продавцы, оказывается, обязаны были снимать перед его реализацией. Обычные рядовые покупатели этого не знали и не привередничали, хватали окорок со шкуркой, радуясь, что «выбросили» деликатес и им повезло напасть на него.

Родители Полины жили в районе кирпичных серых пятиэтажек, без парадных лепных украшений. В один из таких домов они и направились.

За дверьми квартиры родителей стоял праздничный шум. Дверь долго не открывали: из-за шума не слышно было звонка. Наконец дверь распахнулась: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...»

– Спасибо. Мы только оттуда, – в никуда ответила Тоська, и под звуки песни они вошли в полутемный коридор с гирляндой тусклых разноцветных лампочек под потолком. Сюда же вывалилась толпа празднующих. Среди них были родственники и родители Полины. Казалось, что они не понимали, кого встречают.

Полина выудила из толпы своих родителей и, как тряпичных кукол, прижала к себе. Прямо перед Тоськой оказались их лица, каждое одной щекой прижатое к щекам Полины. Они были как неподвижные маски с растянутыми в улыбке ртами.

– И отчаянно ворвемся прямо в снежную зарю-у... Э-эй-йа– э-эй-й-й!!!

Родители оторвались от Полины и вместе с танцующими гостями затанцевали назад в комнату в комнату, к телевизору, к следующей «Песне года».

– Средь шумного бала, случайно... – пропела Тоська и посмотрела на растерянно улыбающуюся Полину. – Что делать-то будем?

– Надо было их предупредить, конечно. Тонь, ты извини, что так получилось. Понимаешь, они у меня непьющие, но если выпьют – всё. Ничего не соображают! Не умеют пить. Да и устают. Они на заводе в цеху работают.

– Ну что ты, не извиняйся. Переночевать-то есть где? Чтоб им не мешать.

– Есть, конечно. Пошли.

Полина прошла вперед по коридору, толкнула дверь в комнату.

Вошли. Как будто попали в аквариумный уголок в зоопарке. Вся комната была заставлена аквариумами разных размеров. Один из них, как сервант, закругленный по углам, занимал полстены. Стекло с водой увеличивало, и казалось, что среди могучих волнующихся зарослей плавают огромные, как акулы, рыбы, разевающие рот, будто что-то говорящие. В других – рыбы, как экзотические бабочки, парили в воде. Работали компрессоры, бурлила вода. Светила подсветка. Было неуютно и прохладно: поддерживалась нужная для рыб температура воздуха.

– Они сюда не придут! Когда гулянки, отец сразу предупреждает, чтоб никто сюда ни ногой! Гости говорят: «Витька, мы знаем!» Отца Виктором зовут.

– Понятно. А спать-то где?

– А вон диван. Вон там, в самом углу. Узкий, конечно. Ну, ничего. Валетом уляжемся. Чем-нибудь укроемся...

– ...белой шкурою медвежьей от Кола Бельды... – пошутила Тоська.

Потихоньку вышли в коридор. Из открытой двери несло радостное нестройное пение:

«Мы играем на гармошке у прохожих на виду-у-у...» По стенам комнаты закрутились тени: «У-у-у-уу...» Кто-то изображал прилетевший голубой вертолет. Веселье не утихло.

Умылись. На кухне поставили чайник на плиту. Заварили чай, сделали бутерброды. В углу на тумбочке в пятилитровой банке плавала маленькая рыбка. На толстом сером брюшке ее чернела точка.

– Она – беременная, – объяснила Полина. – Это – гуппи. Отец в форточку всегда курит, чтобы ей дым не мешал. Скоро она «затанцует», выпуская из себя мальков. И они тут же начнут самостоятельную жизнь.

– Не как у людей!

– Да. Им проще!

Захватив кружки с чаем и бутерброды, они вернулись в комнату к рыбам.

– Как в живом уголке! – жуя и оглядываясь вокруг, сказала Тоська.

– Это отец увлекается. Я привыкла. Мне даже нравится. Вот смотри сюда! Знаешь, что это за рыба?

В аквариуме плавала совершенно прозрачная рыба. Можно было увидеть ее скелет. Как на рентгене! И даже ее утробу.

– Это – стеклянный окунь. Загадка природы. Но такой он – только когда молодой. Повзрослеет и станет как все! – объяснила Полина. – Здесь много чего интересного!

И она стала показывать Тоське диковинных рыб.

– Сиамский разноцветный петушок. Правда, смешной? А вот – Лямиус Толстогубый. Губы как у нашего лаборанта Кольки. А вот смотри. Гурами Целующийся... Ути какой! Ну, давай поцелуемся, – засюсюкала Полина, прилипая к аквариуму.

– А золотая рыбка есть?

– А как же! Вон туда посмотри!

Среди густых зарослей зеленой и красной подвижной травы плавали, отсвечивая красно-оранжевыми оттенками чешуи, золотые рыбки. И вдруг из глубины аквариума таинственно

появилась и тут же исчезла черная, с серебристой тусклостью рыбка в облаке дымчатой вуали, которая шлейфом тянулась за ней!

– Какая красивая! – ахнула Тоська.

– Это – вуалехвост, одна из разновидностей золотой рыбки, – пояснила Полина.

– Лучше – вуалехвостая... «И странной близостью закованный, смотрю за темную вуаль...» – протягивая звуки, продекламировала Тоська.

– Черная – самая редкая. По китайскому обычаю, в аквариуме должно быть нечетное число золотых рыбок и одна черная.

– И что тогда?

– Будет счастье, богатство и удача в семье.

– А у вас здесь нечетное число?

– Нечетное. Только не спрашивай, почему мы небогатые. Так мама всегда кричит, когда они с отцом ссорятся.

– И что отец отвечает?

– Молчит. Он всегда молчит. Что он скажет...

Тоська подошла к этажерке с книгами по аквариумистике. Их было много.

– Вот здесь – про золотых рыбок, – Полина протянула открытый журнал.

Тоська прочитала, что этих рыбок вывели в Китае. И что предками их были «серебряные караси». И еще – что только на острове Маврикий живут вольные золотые рыбки. Все остальные – в аквариумах. Это – грустно.

Она открыла сумку, чтобы достать халат, и наткнулась на платок с черной Розой. Развернула, и бумажные шуршащие звуки сложились в забытую Тоськой фамилию – «Шершнева».

– Шершнева! – обрадовалась она. – Как я про нее забыла? Поля, у вас телефон есть?

– Откуда? На улице есть телефон-автомат. А зачем тебе?

– У меня здесь подруга живет. Марина Шершнева. Я про нее и забыла совсем. Мы с ней вместе распределялись в Сибирь. Она сразу замуж вышла за какого-то начальника. Теперь здесь живет.

– Ты что, хочешь к ней поехать?

– Позвоню сначала. Мы же на этом диване вдвоем не уместимся! Ты хоть одна выступишь. А?

– Конечно, Тонь. Ты извини меня.

– Ну что ты! Всё хорошо!

Тоська накинула шубу и побежала звонить.

«...Касил Ясь канюшину, пагляда-ал на дзявчыну...» – звонкоголосо заводили «Песняры» из комнаты с гостями.

Дозвонилась. Марина обрадовалась: «Давай приезжай, познакомлю с нужными людьми. Жду!» Продиктовала адрес, объяснила как доехать.

Тоська прибежала назад, взяла сумку, чмокнула Полину, по коридору провальсировала под Магомаева до входной двери и, уже закрывая ее за собой, увидела в щель вышедшего в коридор мужчину. Это был отец Полины. Виктор. Он обернулся на закрывающуюся дверь. Тоська быстро захлопнула ее во избежании вопросов и сбежала по ступенькам к выходу.

Пробегая по дорожке рядом с домом, над ее головой распахнулась широкая форточка, за стеклом блеснул огонь от спички, и в морозном воздухе запахло папиросным дымом...

«Это Виктор закурил, – остановилась она. – Да, вот его лицо... Курит в форточку... Бережет беременную гуппи...»

Потом высунулась мужская рука, сбрасывая пепел, и блестящие искорки разлетелись в вечернем морозном воздухе.

Тоська проследила за их полетом и побежала по скрипучему снегу к автобусной остановке.

Виктор глубоко вдохнул морозный воздух. Выдохнул, выгоняя хмель. Хмель не уходил. Промелькнуло то ли видение, то ли воспоминание о дочери... Вот, кажется, увидел ее... Вот совсем недавно... А где, когда? Не вспомнил... – мысли тяжело зашевелились в голове и пришли в привычное русло. Виктор стал думать о своих рыбках. О них он мог думать в любом состоянии. Аквариум был его страстью, любовью на всю жизнь!

Больше всего он любил гуппи. Виктор любил этих дружелюбных, разноцветных рыбок за их игривый, легкий характер. И еще за то, что своими узкими тельцами с роскошными хвостами и плавничками они напоминали ему подружек его молодости в летящих широких юбках плиссе из шелка модной расцветки. И в легких шифоновых косынках того же тона и рисунка. И характер у них был тогда такой же – легкий и игривый.

Виктор мечтательно вздохнул и выпустил дым.

А одна – удивительная! Виктор улыбнулся в форточку и, сдерживая излишнюю нежность, глубоко затянулся. Она стала его тайной любовью, потому что напоминала наряд его жены, когда он в первый раз увидел ее и пригласил на танец. Легкая, в мелкие складочки, широкая книзу белая юбка. По полю – черные пятнышки разной величины. Край – с черным ободком. И такая же косынка на плечах. Он до сих пор помнил ощущения шершавости шелка под пальцами. Они кружились в вальсе, юбка взлетала на поворотах... Она смеялась и придерживала ее рукой.

Давно это было.

Так давно, что он забыл, как жена смеется и радуется.

Виктор опять вытянул руку в форточку и стряхнул пепел. Завтра он собирался сходить к Сергею Леонидычу. Посмотреть на его хваленые фантастические экземпляры! Сергей Леонидыч жил в этом же доме над ними, на втором этаже. Он преподавал в институте сопромат, как он говорил, «сопромути», и больше всего на свете любил разводить рыб. Его жена каждое воскресенье уходила к своей матери. Тогда Виктор поднимался к ним. В эти дни квартира превращалась в мужской клуб по страстям. Если визит Виктора начинался с приготовленного хозяином сюрприза – фантастического экземпляра, который вызывал восторг и дальнейшее бурное обсуждение, то про приготовленную в холодильнике бутылку «Московской» вспоминали только к концу визита. Сергей Леонидыч обсуждал сюрпризы темпераментно, с ярким вдохновением, не растраченным на лекциях по «сопромути». Виктор выплескивал свои эмоции, скопившиеся от домашнего молчания, коротко и скупно и не так ярко и образно. Разница между ними только в том, что один привык работать языком, а другой – руками. Но здесь был их общий праздник. И стайки блестящих молодых гуппи, чувствуя настроение, носились по аквариуму разноцветным фейерверком!

Виктор последний раз затянулся, щелчком отправил окурок в окно, закрыл форточку и пошел к гостям. Приоткрыл дверь к своим любимцам.

Рыбы спокойно плавали в аквариуме.

– Ну, плавайте, плавайте... – Виктор закрыл дверь.

«...Благодарю тебя... за смех и за печаль... за всё тебя благодарю-у...» – задумчиво вместе с Магомаевым пели гости. Жена медленно кружилась под музыку, закрыв глаза, то прижимая руки к груди, то плавно взмахивая ими, как балерина. Мерцала огоньками новогодняя елка. Огоньки отражались в больших стеклянных шарах.

Виктор подошел к елке, приблизил свое лицо к одному из них и засмеялся своему смешному верблюжьему отражению.

Подруга жила в большом хорошем доме в центре Новосибирска. Открыв дверь и увидев Тоську, она тут же представила себя на ее месте. В искусственной шубе, в валенках, с большой сумкой – в просторной прихожей удачливой подружки.

Только не это!

Она жалостливо обняла подругу, поцеловала, раздела и потащила в спальню.

– Переодевайся!

Стала в дверях, скрестив руки на груди, и участливо спросила:

– Ну и как ты там, в деревне?

– Нормально, – только и ответила Тоська, стягивая через голову вязаное платье.

– А ты как?

– Меня мой Генрих в такую школу устроил! – взмахнула руками Марина и уселась на пуфик перед трюмо. – Ты себе и представить не можешь! Школа престижная. Для детей больших людей! Элита! Все туда рвутся пристроить своих чад. Но у нас только строго по знакомству! Тонь, а какие подарки родители делают! О-о-о... – закатила глаза Марина. – Тонь, ко всем праздникам! Ко дню рождения! А что делается первого сентября!

Марина взяла себя руками за голову, изящно растопырив пальчики.

– У них, у родителей каждого класса, даже соревнование по подаркам учителям! И между родителями – тоже! Вон посмотри, в углу свалены... У меня и так всё есть... И есть кто может достать...

Тоська оглянулась на лежащие на полу разноцветные коробки с яркими блестящими бантами.

– И ты что? Даже не посмотрела, что за подарки?

– Не-а... Потом. Вот лучше глянь, что мне Генрих подарил.

Она выдвинула ящичек трюмо, бережно взяла какую-то вещицу и протянула Тоське:

– Смотри!

На ладони Марины лежала изящная старинная шкатулочка.

– Что это?

– Красиво? Это – антиквариат! Семейный. Генриха.

И, подумав, как будто вспоминая, сказала:

– По периметру крышки – драгоценные камни! По бокам – эмаль... и канфарение...

Запнулась и гордо добавила:

– Камни настоящие! Очень дорогая!

– Похожа на пудреницу. Или это — табакерка?

– Не знаю. Еще не придумала, как ее использовать. Пусть пока так лежит.

Марина забрала коробочку у Тоськи, положила в ящичек и задвинула его.

– А что такое канфарение?

– А черт его знает! Так Генрих сказал, а я запомнила! Мы теперь антиквариат собираем! Только настоящий. Старинный! Кое-что Лавский подкидывает. Он директор комиссионки. Я тебя с ним сейчас познакомлю. Но и Генрих сам может. У него, знаешь, какие связи! – болтала, не останавливаясь, Марина. – Представляешь, оказывается, в Сибирь многих ссылали...

– Ты про декабристов? Только узнала? – улыбнулась Тоська и натянула на себя бархатное платье. Подошла к Марине:

– Застегни молнию!

– Нет. Про них я знаю, – Марина с вжиком потянула молнию вверх. – Готово!

Опять уселась на пуфик и продолжила: – Я про тех, кого при советской власти... Врагов-буржуев...

– И что? – Тоська всунула ноги в туфли на каблуках, подошла к трюмо, согнала с пуфика Марину, оглядела себя в зеркало.

– А то, что у них, как раз, и есть этот самый антиквариат. Смогли, вывезли! Надеялись на что-то... А в деревнях зачем эти безделушки нужны? Кто там в этом понимает? Вот Генрих мой...

– Повезло тебе с мужем! – прервала надоевшую болтовню Тоська, приводя лицо в порядок.

– Еще как! – не поняла ее иронии Марина. – А ты после деревни куда собираешься? Снова в школу?

– Не знаю пока, – Тоська стала начесывать волосы в прическу.

– Понимаешь, Тонь, в такие школы, как у меня, – только по большому благу. У тебя бла-то есть? Ну понятно. Вот то-то и оно! Хотя знаешь, Тонь, сейчас, говорят, в любой школе родители стараются учителей подмазать, чтоб с их оболтусами поаккуратней. Так что не пропадешь! Ладно, я – к гостям, а ты давай, заканчивай и приходи.

Марина, оттеснив Тоську от зеркала, поправила пышный парик, стремительно обгладила пальцами в перстнях свое длинное модное платье из пестрого ацетатного шелка. Тоська поморщилась от свистящего звука. Наэлектризованная ткань тут же облепила ее ноги. Марина завертелась, тряся подолом юбки.

– Электричество стряхиваю... – пояснила она. Довертелась и уже в дверях поторопила: – Давай скорее! Я тебя с такими людьми познакомлю!

Тоська достала шуршащую розу и приколотла ее на платье английской булавкой. Оглядела себя в зеркало, дала толстовский настрой: «Что за прелесть эта Тоня!» И пошла к гостям.

В просторной гостиной переливалась под огнями цветной гирлянды серебряная мишура на елке. Работал телевизор.

– Разбрэли-ись возлэ ти-ихой рэки-и

Васыльки-и, васыльки-и, васыльки-и-и... – звучало грузинское многоголосие ансамбля «Орэра».

Шла всё та же «Песня года».

Марина стала представлять Тоське гостей. Делала она это очень странно. Проговаривая скороговоркой имена-отчества, она обстоятельно рассказывала, что гость может.

Женщина в седом парике, корпусная в талии, работала в книжном магазине и могла доставать любые модные книги, вплоть до собраний сочинений. Она была похожа на беременную гуппи, которая плавала в пятилитровой банке из-под огурцов на кухне родителей Полины.

Рыжая тощая девица с толстыми полуоткрытыми губами, как будто ждущими поцелуя, работала в обувном, но могла, кроме импортной обуви, достать хрусталь и сервиз «Мадонна». Тоська окрестила ее Гурами Целующаяся.

Молодой человек с комком волос, в который упирался лоб, в ядовито-пятнистой сине-красно-розовой рубашке был ответственен за билеты в цирк, кино и филармонию. «Сиамский разноцветный петушок...» – мысленно назвала его Тоська.

Лямиус толстогубый с надменным взглядом водянистых глаз мог достать любой продуктовый дефицит. И не только. Он мог достать абсолютно всё. Даже югославскую «стенку». Юная, очень подвижная подруга его в блестящем облегающем платье была вылитым мальком гуппи.

Мужчина с лукавыми блестящими глазами под круглыми очками с сильными линзами, чем-то похожий на детского врача («пучеглазый телескоп» – тут же определила его Тоська), сидел на стуле, смешно скрестив короткие ноги, и что-то оживленно говорил полулежавшему в кресле директору центральной комиссии – сомус с нависшей верхней губой, шевеливший ею так, будто собирал со дна корм. Продолжая говорить, «телескоп» с интересом остановил свой взгляд на Тоське. И вдруг встал и наклонил в приветствии голову.

Тоська кивнула и протянула ему руку. А он (о боже!) поцеловал ее и сказал: «Рад знакомству!» «Надо же, какой воспитанный!» – улыбнулась ему она, убирая руку, потому что его

подруга («актриса театра», – шепнула Марина) тут же оказалась рядом. С фужером шампанского золотой вуалехвостой рыбкой проплыла она мимо, равнодушно-внимательно скользнув по Тоське отработанным сценическим взглядом.

И уплыла в сторону, вильнув вуалью воздушного розового пояса.

Марина взяла Тоську под руку и быстро утянула в сторону. «А он что может достать?» – автоматически спросила Тоська. Марина в ответ быстро прошептала: «Ничего! Спецраспределитель!» Тоська с уважением оглянулась на очкарика: «Значит, врач. Хоть один приличный человек в этой компании!»

Последним был толстолобик с такими полированными залысинами, что в них отражался свет хрустальной люстры. Что мог он, Марина объяснила как-то неразборчиво.

Потом Марина представила Тоську, как сельскую учительницу. И все сразу потеряли к ней интерес. Кроме «пучеглазого телескопа», который продолжал с интересом наблюдать за ней. Но «вуалехвостая» подруга его не теряла бдительности, держа его в поле зрения. Из чего Тоська заключила, что врач, хоть и приличный человек, но «ходок»!

– ...Улыба-аются лю-удям они-и-и... – закончил песню «Орэра».

Тоська вышла, зашла в спальню, сняла черную розу, убрала в сумку. И пошла по огромной, ярко освещенной квартире...

Заглянула на кухню.

Спортивного вида девушка с короткой стрижкой сидела за столом и лепила пельмени.

«Наверное, домработница», – подумала Тоська.

– Любите пельмени? Присоединяйтесь! – и, оглядев Тоськино бархатное платье, показала на кухонный шкафчик: – Там фартук. Возьмите.

Тоська послушно завязала фартук и села лепить пельмени. Возвращаться в комнату-аквариум к гостям-рыбам не хотелось. Приготовилась отвечать на дежурные вопросы: откуда она, почему в деревне... ох да ах... Врать не хотелось, правду говорить... Она вспомнила реакцию гостей.

Но «домработница» ни о чем Тоську не расспрашивала. Не потому, что неинтересно, а из такта. Это Тоська почувствовала. Был в ней какой-то стержень. Было воспитание. Была порода.

Они лепили пельмени и говорили о литературе. Она оказалась начитанной девушкой.

Из гостиной доносился шум гостей, потом – звуки рояля. Кто-то по-ученически плохо вспомнил сонатину Клементи. Потом прозвучал «Собачий вальс» в четыре руки. И, наконец, фальшиво был исполнен «Полонез» Огинского. Гости захлопали и опять зашумели.

Тоська с иронией прокомментировала репертуар. Девушка сдержанно улыбнулась: «Да, не Рихтер. Но здесь ведь и не филармония...»

– Вы правы, – признала Тоська, – дурацкая привычка всё ядовито комментировать.

– А, вот ты где! – на кухню вышла покурить Марина. – Уже успели познакомиться?

– Познакомились. Только не представились. Я – Нина.

– А я – Тоня.

– Ма-аленькая справочка о Тоне, – начала Марина, намереваясь повторить то, что сказала гостям про Тоську.

– Нет, как говорил Райкин, давай большу-ую справишу! – засмеялась Нина. – Мне Тоня уже все о себе рассказала. Я сейчас вернусь. Мне позвонить нужно.

Она вышла.

– А про Нину ты тоже всё знаешь?

– Нет. Она что? Твоя домработница?

– Да ты что! – Марина от возмущения не заметила, что сунула сигарету фильтром наружу и, чиркнув зажигалкой, подавилась дымом. Чертыхнулась, выбросила сигарету в открытую форточку.

– Ты что, правда не знаешь? Это же наша знаменитость. Капитан женской команды! Хоккей на траве! В федерации состоит!

Взяла новую сигарету, проверила фильтр, закурила.

– Слышала? У нее мама – ведущая актриса нашего театра.

Марина назвала фамилию.

– Знаешь такую? Нет? Ну и ладно. Я с ней через Гундяеву Лильку знакома. Лилька – тоже актриса. Да я тебя с ней сегодня знакомила. Красивая такая. Помнишь?

– Красивых не помню. Все страшные были, – отомстила вредная Тоська гостям. – На рыб похожие.

– На рыб? Да, если приглядеться, есть что-то... Особенно Дрисина. Она на сушеную стерлядь толстогубую похожа. Ой, не могу, – смеялась Марина. – А Лавский – на сома... Ой, Тонька, ядовитая ты, но глаз-алмаз... Молодец!

– А твой Генрих Осипович на какую рыбу похож? И где он? – вспомнила Тоська о муже Марины.

– Кстати, о Генрихе, – посерьезнела Марина. Затянулась последний раз и выбросила непогашенную сигарету в форточку. – Ты где ночуешь?

– Я думала у тебя. Что? Места-то вон сколько!

– Место-то есть, только мы завтра на дачу собираемся всей компанией. Ну ты понимаешь. У нас еще Гундяевы ночевать остаются. Они далеко живут.

– Господи, да ты постели мне где-нибудь. У вас столько комнат! Как в гостинице...

– Тонь, ну представь, завтра нам собираться, ехать на дачу, Гундяевы, опять же... А тут ты под ногами... Не обижайся. Но ведь так?

– Ну почему под ногами? Я утром встану и уеду. Куда я сейчас, ночью-то?

– Кто и куда ночью собирается ехать? – вошла на кухню Нина.

– Да вот Тоньке ночевать негде. Мы завтра рано утром на дачу едем.

– Тоня, а поедем к нам. У нас большая квартира. Места хватит. Мама будет рада.

– Спасибо. Если это удобно.

– Удобно, удобно...

– Нина, только ты не подумай, что я Тоню прогоняю. Нет, пожалуйста, пусть остается. Просто ей самой будет неудобно: завтра рано вставать, мы будем спешить...

– Да ничего я такого не думаю. Сейчас Саша заедет на машине. И мы поедем к нам. Пойдемте одеваться? – обратилась она к Тоне.

– А пельмени? – вспомнила Марина.

– Мне нельзя. У меня спортивный режим. А Тоню я дома покормлю. Угощай своих гостей!

Марина задержала Тоську за руку: «Ты точно не обиделась?»

– Точно. Ну не обиделась! Не обиделась! – она освободила свою руку от Марины и вполголоса спросила: – А кто он, этот Саша? Муж?

– Не-ет... – с любопытством глядя на Тоську, протянула Марина. – Брат. Интересный... Неженатый... Стихи пишет! – голосом свахи проговорила она и, не удержавшись, насплетничала вполголоса: – У него с Лилькой, которая актриса... Ну я знакомила тебя с ней... У них роман был! Но сейчас уже всё! Она теперь с Антоном Львовичем...

– Это который в очках, врач?

– Ты что! Какой врач! Он больше, чем врач! Он может помочь в исключительных случаях, если... что такое случится. У него, знаешь, какие связи! Марина уважительно подняла указательный палец.

– А что такое может случиться?

– С тобой в этом смысле ничего не случится! – засмеялась Марина и подтолкнула Тоську.

– Ну, иди, переодевайся. Удачи!

Переодеваться Тоська не стала. Достала черную розу и снова приколола на платье. Игра началась, и роза откликнулась на нее, прошуршав «Са-ш-ш-а». Прошуршала такое знакомое имя! Так звали мальчика в школе, который был влюблен в нее. Они дружили. Давно это было...

Распрощавшись с Мариной, которую Тоська в очередной раз поклялась больше не знать, вышли на улицу.

Мороз тут же приморозил туфли к ее ногам. Ноги одеревенели. Начесанные волосы от теплого дыхания схватились морозом и стали похожи на вязаную шапочку из серебристого мохера. Такой мохер завезли осенью в село. И она купила себе два мотка, чтобы связать крючком легкой ажурной вязкой берет и шарфик, как в журнале «Силуэт». Вязать крючком ее научила старушка-соседка в детстве.

Тоська стояла на одеревеневших ногах в примерзших к ним туфлях, в мохеровой шапке волос, в шубе из искусственного меха, которая продолжалась вниз черным бархатным платьем. Роза, привораживая, призывно выглядывала из полураспахнутой шубы... Представила себя со стороны:

«Анна Каренина отдыхает... – спрятала за спину сумку с валенками и одеждой, – ...в Нище!» И улыбнулась.

Нина деликатно не замечала ее странностей.

Во дворе уже стояла машина «Победа». Из нее вышел высокий парень в дубленке. Нина помахала ему рукой, подхватила Тоську под руку, чтобы та не скovyрнулась с каблуков, и они заковыляли к машине.

– Саша, познакомься!

– Я – Тоня.

– Александр.

– Очень приятно.

– И мне тоже.

– Саша, я Тоню пригласила к нам в гости.

– Отлично! Давайте садитесь в машину, а то замерзнете! Вам помочь? – протянул он руку к Тоськиной сумке.

– Нет. Спасибо, – отказалась Тоська: из-за валенок сумка не закрывалась.

Они сели в машину.

– Слушайте, а ведь в начале декабря открылась выставка ледяной скульптуры, – вспомнила Нина. – Здесь рядом. В сквере. Давайте сходим. Когда еще сюда выберемся? А?

– Я – за! А Тоня? Как она на каблуках по снегу? Сможет?

– А у меня валенки с собой. Пимы, как у нас говорят в деревне.

– У нас так же говорят!

Тоська скинула холодные туфли, надела валенки. Отстегнув розу от платья, сунула ее в карман шубы. Повязала на вздыбленные начесом волосы пуховый платок.

Вошли в сквер. Свет фонарей преломлялся в переплетенных заснеженных ветках деревьев. Ниже на сучках сидели ледяные совы, загадочно сверкая желтыми круглыми глазами.

– Как будто Снежная королева их заморозила. Сейчас очнутся и...

– Ух, ух ух, – зауהל Саша и уселся на скамейку рядом с ледяными фигурами. Деревянная скамейка просвечивала сквозь фигуры своими ребрами.

– У моей подружки рыбки такие есть, стеклянные окуни! – обрадовалась Тоська. – Только они прозрачные, когда молодые. Вырастут и становятся как все!

– А через меня скамейка просвечивает? Нет? Значит, я вырос и уже такой, как все! Ничего интересного во мне не-ет! Нет... Нет... – закричал он эхом. – Как все-е-е! Я как вс-е-е!

И покатился с гиканьем по раскатанной ледяной дорожке:

– Э-эх, прокачусь...

Встал в конце дорожки. Растопырил руки. Спортивная Нина профессионально разбежалась, прокатилась до конца и даже еще подпрыгнула, перебрав ногами. Тоська подобрала свое платье, разбежалась и с визгом заскользила. Уже в конце, не устояв, замахала для равновесия руками, бросив платье. И, запутавшись в нем, влетела в расставленные Сашей руки. Он подхватил ее. Близко мелькнуло его смеющиеся лицо и глаза... как у Петровича! Прижал ее к себе. Тоськино сердце подпрыгнуло к горлу и схватило его так, что Тоська перестала дышать.

Всё это длилось мгновение. Она глубоко вдохнула близкий Сашин запах. От него пахло теплом, снегом и легким свежим ароматом. «Тройной мужской»! Знакомый, близкий запах Петровича. Слишком быстро подбежала Нина. Стала отряхивать Тоську. Потом они взяли ее под руки с двух сторон. Вовремя. Тоська могла бы сейчас взмахнуть руками и полететь! Вместо этого она расправила концы платка на груди и боярышней торжественно последовала дальше вместе со своими спутниками. В центре сквера стояла большая ледяная ель. На ней покачивались сверкающие гранями шишки-сосульки. Снег колкими льдинками падал на них, и они отвечали легким звоном...

– Слышите? Дин-н – дон-н... – Нина приложила палец к губам, а потом подняла его вверх. – Слышите, хрустальный звон – в морозном воздухе? Рождественский звон снежинок!

– Вечерний зво-он... Бо-ом! Бо-ом!..

– Сашка, не так громко!

– Смотрите, прямо хрустальная империя Сваровски! – Тоська показала на хоровод звёрушек вокруг ели. – Я такое в Москве в ЦУМе видела!

Искусно вырезанные изо льда, подсвеченные снизу фонарями разных цветов звёрушки были как из настоящего цветного хрусталя. Аметистовые, голубые, бледно-розовые... Цветные блики от этого света попадали на ледяную ель и смотрелись на ней украшениями.

Подшли к последней скульптуре, и Тоська ахнула. На хрустальном срезе льда был искусно вырезан матовый рельефный рисунок снежной розы. Роза казалась черной от причудливой игры теней! Саша стал рядом, снял шапку и принял позу поэта: вздернул подбородок, воздел руку к небу и нараспев продекламировал:

«Я послал тебе черную розу...»

Тоська вытащила из кармана розу вуду, протянула ему:

– Эту?

Он с удивлением глянул, взял ее, опять поднял руку вверх, уже с розой. И застыл в морозном воздухе. Красивые, одухотворенные черты его заледенели, лицо – как маска, кудри от колкого льдистого снега – словно вырубленные изо льда. Мраморное изваяние! Гермес!

– Похож я на Блока?

– Похож! – воскликнула Тоська. – Точно как у Волошина. Праксителев Гермес. «Мраморным холодом веет от этого лица!».. – понизила она голос, как в страшной сказке.

– Вот так и буду стоять... Превращусь в ледяную скульптуру. Все будут меня рассматривать и восхищаться моей красотой! А я буду звенеть вдохновением от падающих с неба льдинок!

Ему нахлобучили шапку и потащили из сквера.

Тоська согревалась в машине и копалась в своих ощущениях.

Ощущение радости, как на прогулке с Петровичем. Тот же запах. «Тройной мужской», запах морозной свежести.

И даже от прикосновения Сашиних рук она чуть не упала. Правда, это произошло в обратном порядке... Ну так что?

Они ехали по празднично украшенному новогоднему городу. Тоська смотрела на ярко освещенные витрины магазинов, кафе, ресторанов, на бульвары с уличными фонарями. Саша включил кассету с музыкой и, неразборчиво подпевая хриплому певцу, умело вел машину.

Над магазинами светились неоновые вывески.

– Гастроном, – прочитала Тоська и пошутила: – Интересно, а здесь перед продажей снимают шкурку с окорока?

– Наверное. Мама всегда приносит окорок без шкурки.

Тоська представила их маму: спокойную, полную, с гладким лицом, в норковой шапочке...

Подъехали к красивому дому с башенками, колоннами и лепниной на фасаде. Такие дворцы в 50-е годы были построены как образчик будущего для всех граждан. Потом оказалось, что – не для всех. Всех – много, а таких домов мало! Ухоженный освещенный двор с аккуратно расчищенными дорожками. Рядом сквер. Уютный свет матовых шаров-фонарей из-под искрящихся снегом деревьев.

Вошли в парадное. В нем могла бы разместиться вся их деревенская школа! И изба-интернат в придачу. Консьержка с высоким начесом на голове, похожая на Таись Матвевну, встретила их внимательным взглядом и, узнав, дружелюбно закивала головой. Поднялись на лифте. Тихонько, стараясь не шуметь, вошли в квартиру.

Но из глубины коридора уже слышались легкие шаги...

– Нина, Саша, – театрально воскликнул красивый женский голос, – ну почему же так долго? Дети, я волновалась...

Тоська выглянула из-за спины Саши.

В прихожей стояла худенькая светловолосая женщина в шелковом пеньюаре.

«Не полная, не гладкая...» – успела подумать Тоська.

– Вы не одни? Извините, я не одета.

И она исчезла.

– Это мама. Не беспокойтесь, она после спектакля всегда перевозбуждена и долго не может заснуть. Она в театре служит. Раздевайтесь. Я вам помогу.

Они вошли в большую комнату. В двухкомнатных «хрущевках» с дежурным набором мебели такие комнаты назывались залами. А здесь тогда что? Гостиная? Нет, зал с гостиной. Просторный, с высокими потолками, с большими окнами. И мебель здесь была другая. Овальный стол. Вокруг стулья с высокими спинками. Над столом шелковый светло-изумрудный абажур с бисерной бахромой по краю. На столе – ваза. Цветы. На стенах – картины в золотых рамах. Старинный буфет-горка. Часть зала – как отдельная комната: диван, кресло, секретер. Изящный торшер со светло-зеленым абажуром и столиком из светлого с разводами камня, небольшой стеллаж с книгами. Комнатный рояль. На рояле – цветы. В глубине зала – высокая воздушная елка, украшенная, как в детстве, игрушками, конфетами, мандаринами, свечками.

«А книг-то у них немного для интеллигентной семьи», – отметила Тоська.

– Ну, познакомьте меня с нашей прелестной гостьей, – опять раздался красивый приветливый голос. – Меня зовут Ирина Николаевна.

Хозяйка была под стать интерьеру зала. Или – наоборот?

Одежда и прическа, как у английской королевы. Просто и элегантно.

Тоська однажды видела прием у королевы по телевизору. Дамы, одетые как положено по этикету, приседали перед ней в полупоклоне и пожимали протянутые королевой кончики пальцев. Тоське тоже захотелось присесть в своем бархатном платье в полупоклоне, склонив немного голову, пожать кончики пальцев Ирине Николаевне и сказать по-английски: «My name is Tonya».

Она, следуя этикету, спросит: «Are you okey, Тоня?»

И Тоська ответит, как положено: «I'm fine!» Эти две фразы Тоська запомнила, когда смотрела американский фильм на кинофестивале в Москве. Герои говорили своими голосами на экране. А переводчик через микрофон читал перевод. Эти две фразы герои произносили так часто, что Тоська к концу фильма знала их наизусть.

– Меня зовут Тоня, – сказала по-русски и, не удержалась, сделала книксен. А потом от неловкости добавила: – Можно, как в школе: Антонида Екимовна!

Стало совсем неловко. Саша улыбнулся. А Ирина Николаевна, как будто не заметила ее неловкости.

– Антонида! Красивое забытое имя! Осталось в памяти народной! – легко и немного театральному произнесла она. – Так звали дочь Ивана Сусанина. Помните: «Не о том скорблю, подруженьки...»?

– Конечно! – поторопилась сказать Тоська. – Это из оперы Глинки...

– Если бы Сусанина звали Еким, то со школьным именем Тони было бы полное соответствие! А опера бы называлась «Еким Сусанин»! – пошутил Саша.

И они все вместе рассмеялись. Неловкость ушла, и Тоська, оглянувшись на елку, сказала:

– Какая у вас красивая елка! Такую даже жаль выбрасывать!

– Ей еще долго стоять. В детстве у нас елка стояла все зимние праздники до Крещения. Мамина традиция. Я продолжаю ее, – объяснила Ирина Николаевна.

– «Раз в крещенский вечерок...» – вспомнила Жуковского Тоська. – Вы тоже гадали?

– Нет, – засмеялась Ирина Николаевна. – Мама ходила в церковь на праздничную службу. А вот в театре мы, молодые артистки, в Крещенский сочельник, конечно, гадали! Тайком!

– Какое красивое название! Крещенский сочельник! Жаль, что этих традиций уже нет!

– Да. Они не мешали...

– Я Тоню обещала накормить, – заглянула к ним Нина.

Отправились на кухню, которой бы больше подошло название столовая. Из-за ее размеров.

Голодный Саша присоединился к голодной Тоське, и они вдвоем с аппетитом съели целую сковороду жареной картошки с грибами. Потом все вместе пили чай с вареньем, ели восхитительные пирожки. Их, к удивлению Тоськи, пекла сама актриса. Пирожки были все аккуратненькие, одинаковые, как из кулинарии.

– Не удивляйтесь, я очень люблю готовить. А пирожки с мясом, печенкой и визигой – мое коронное блюдо!

– Очень вкусно! Спасибо! Пирожки необыкновенные! – искренне поблагодарила Тоська. Пирожки она любила. Хотя сама так и не научилась их готовить. Ее мама была не очень искусной кулинаркой. Не было для этого у нее времени и возможностей. Пирожки она пекла только с капустой, и в «Чудо-печке». Иногда просто жарила на сковороде. Пирожки были неровные, разной величины. Тоська их очень любила, особенно свежими, горячими. Надрежешь плоский бочок... и кусочек сливочного масла – в золотистую капусту-начинку. Масло сразу тает. А сверху присыплешь солюшкой...

– Где мы уложим спать Тоню? Наверное, лучше в кабинете? Там ей утром никто не будет мешать своими хождениями. А я со всеми прощаюсь. Всем покойной ночи. Хотя уже почти утро... «Светает! Ах, как скоро ночь минула...» – удаляясь, продекламировала актриса.

Нина повела Тоську в кабинет. Тоська вошла и второй раз за сегодняшний день ахнула.

Просторная комната с высокими потолками была настоящей библиотекой. В несколько рядов – стеллажи с книгами. В глубине комнаты – письменный стол с красивой зеленой лампой и большой кожаный диван.

На нем Нина постелила Тоське постель. Включила и придвинула лампу поближе к изголовью: «Дедова, «гвардейская», если почитать захотите».

– Вряд ли. Спать хочу. Очень устала за сегодняшний день.

– Я тоже. Покойной ночи, Тоня.

Тоська всегда говорила «Спокойной ночи». И теперь не знала, как сказать. Покойной говорить было непривычно. Поэтому ответила, как привыкла, но проглотив букву «с».

Нина ушла, закрыв за собой дверь.

Тоська сняла свое бархатное платье, легла. Вытянула усталые ноги. Полежала, потом, привстав на локте, с интересом разглядела настольную лампу. Солидная подставка из цельного куска оникса... «Гвардейская», сказала Нина. Наверное, из-за зеленого шелка на абажуре и из-за оторочки желтой тесьмой и золотыми кистями! Как в музее! Тоська, как кошка, потянулась, протянула руку и, нажав на кнопку, выключила лампу.

«Где ты была сегодня, киска?» – «У королевы у английской!» И тут же уснула.

Проснувшись, Тоська встала, прошла по комнате, разглядывая книги.

В углу стоял шкафчик с множеством ящичков.

– Надо же – картотека... Как в настоящей библиотеке!

Она надела халат и выглянула в коридор. Было тихо. Спят или никого нет?

Тихонько прошла в ванную комнату. Умылась, привела себя в порядок. Вернулась в библиотеку, переоделась в связанное мамой платье. И пошла по квартире в поисках хозяев. На ароматный запах кофе заглянула на кухню. Урчала кофеварка. Саша доставал из кухонного шкафа чашки.

– Доброе утро, – сказала Тоська и про себя добавила: «Гермес Праксителев в ковбойке». Получилось смешно. Она хмыкнула.

– Доброе утро!

«А про себя, небось_ добавил... Антонида Екимовна», – подумала Тоська. Она заметила, как вчера он улыбнулся, когда она так представилась Ирине Николаевне.

– А Ирина Николаевна с Ниной еще спят?

– Они уехали. Мамина подруга позвонила. Что-то у нее случилось. А меня оставили кормить вас завтраком и развлекать. Всё готово. Прошу к столу.

Они сели за стол и оказались почти лицом к лицу. Ну точный Блок. Только – не Праксителев, а, скорее, с портрета Сомова. Такой же домашний, толстогубый. Рот приоткрыт, как будто нос заложен. А платок надень, так получится родовитая бабка с тяжелой нижней челюстью вперед, будто платок подпирает. Только глаза, как у Гермеса, бледно-прозрачные. Интересно, Блоку нравился этот портрет?

– Что, нашли сходство с кем-нибудь? – вдруг спросил Саша, улыбнувшись. Лицо и глаза сразу ожили, и сходство пропало.

– Да нет, с чего вы взяли?

– У меня мама – актриса. Она любит проверять на мне выразительность своего лица. Вот сейчас у вас было выражение ее лица в такой сцене. Героиня внимательно и нежно смотрит на героя и пытается вспомнить, кого он ей напоминает. Вспоминает. И герой ей становится ближе и понятнее. Она успокаивается и начинает пить кофе. Чего и вам желаю. Берите пирожки.

– Спасибо! – она отхлебнула кофе. – А почему успокаивается? Может, настораживается? Герои разные бывают! Откусила пирожок: с визигой... Запила кофе и продолжила: – Только думаю, Ирина Николаевна сыграла бы этот эпизод тоньше, чем вы его трактуете. Думаю, вот так.

Тоська напряглась, вспоминая недавно читанный текст бородатого классика:

– Героиня смотрит на героя блестящими, казавшимися темными от густых ресниц серыми глазами. Смотрит дружелюбно, внимательно, как будто признает его. Крупный план.

Камера смотрит глазами героя и видит сдержанную оживленность, которая играет в лице героини и порхает между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы. Уф! Как?

– Ну мне остается только добавить, что вы это говорили с неудержимым дрожащим блеском в глазах и улыбкой, которая обожгла меня.

И засмеялся, довольный, увидев ее удивление.

– Не удивляйтесь. Анну Каренину мама репетировала дома. И про все эти серые с неудержимым блеском глаза и румяные губы я слышал еще ребенком. Детская память крепкая. А вот вы как это запомнили?

– Мне по работе положено. Я в школе литературу преподаю.

– Ну... Положено – одно, а знать – другое.

– Я еще и книги читаю.

– А, это меняет дело. Тогда вам должна быть интересна наша библиотека! Еще кофе?

– Нет, спасибо. Пойдемте книги смотреть!

Они пошли в библиотеку.

– Вы как лорды английские живете! Тоську продолжало тянуть на английское.

Саша засмеялся:

– Эту библиотеку два поколения собирали! Дед начинал. Он лордом не был!

– А давайте представим, что мы... ну... какие-нибудь лорды. Вы – лорд. А я – лордиха.

Леди.

Тоська приподняла воротничок платья и приняла аристократическую позу: сложила руки перед собой, как певица.

– Я вхожу и говорю: «Hey, Alex! Are you okay?»

А вы – мне: «Hi, Tonya. I'm fine!» Ну как? Похоже?

Новоявленный лорд рассмеялся.

– Извините меня за мой дурацкий смех, Тоня. У вас просто смешно получилось! Ну и потом... Так могли разговаривать какие-нибудь простые американские парни из... ну, скажем, «Полуночного ковбоя». Смотрели? Классный фильм. Там Дастин Хофман и Джон Войт в главных ролях. Но это неважно! Англичане, тем более, лорды, так, как вы это представили, не разговаривают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.